

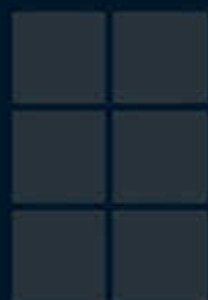
ЛАРА ВАПНЯР

В СПИСКЕ 100 ЛУЧШИХ КНИГ 2016 ГОДА ОТ NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

ПОКА

ЕЩЕ

ЗДЕСЬ

CoRpus

Лара Вапняр

Пока еще здесь

«Corpus (АСТ)»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вапняр Л.

Пока еще здесь / Л. Вапняр — «Corpus (АСТ)», 2016

ISBN 978-5-17-104963-8

Четверо друзей познакомились еще в юности, в России, а теперь живут в Америке. Они продолжают общаться, но жизнь у всех складывается по разному. Регина скучает в браке с состоятельным американцем, Вика мечется между работой и домом и мечтает о лучшей жизни, Вадик ищет идеал и меняет работы, квартиры, девушек. Сергей, банковский служащий, надеется разработать приложение, которое сможет имитировать присутствие умершего человека в социальных сетях. И эта тема становится главной в их разговорах. Как изменилось в современном мире представление о смерти? Какими мы предстаем в онлайн-мире при жизни, как будут доноситься отголоски нашего виртуального “я”, когда мы умрем?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104963-8

© Вапняр Л., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лара Вапняр

Пока еще здесь

Lara Vapnyar
Still Here

© Lara Vapnyar, 2016

© М. Глезерова, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Глава 1

Виртуальная могила

– Обещай только, что не назовешь это “Виртуальной могилой”, – сказала Вика, когда свернули к Вест-Сайд-хайвэй.

– Ты же сама забракowała “Голос из могилы”! – возразил Сергей.

– “Голос из могилы” еще хуже. Нельзя, чтобы название было мрачным.

– Ну так вся идея про смерть. А смерть как ни крути – мрачно.

Они спорили всю дорогу от дома на Стейтен-Айленде до новой квартиры Вадика в Морнингсайд-Хайтс, и Вике это уже порядком надоело.

– До тебя правда не доходит? – спросила она. – Смерть – это мрачно, а твое приложение про преодоление смерти. Поэтому надо говорить о бессмертии, а не о смерти. И не вздумай опять заводить про своего Федорова. Никто его знать не знает.

– Он был самым оригинальным философом девятнадцатого века!

– Только ты так считаешь!

Сергей застонал и крепче сжал руль.

За последние год-два он заметно подурнел. Он всегда был самым красивым в их компании. Похож на французского актера, как там его – тот парень из фильмов Трюффо. Точеное лицо стало расплываться, словно размытое вечным недовольством, и четко очерченный овал как-то растушевался и подернулся жирком. Вика наблюдала закат его бывшего блеска со смешанными чувствами. Иногда с жалостью. Иногда со злорадством. Но чаще всего чувствовала себя обманутой.

– Как насчет “Нет смерти” или “Нет, смерть, нет”? – спросила она.

– Нет, смерть, чего? – Сергей рассмеялся.

Смех у него был резким и хриплым и больше походил на кашель, на очень плохой кашель. Казалось, он выплескивает смиренное неодобрение, будто хочет сказать, что считает ее мерзкой и тупой, но уже вроде свyksя и почти даже принял все как есть.

Вика ненавидела этот смех. Ей захотелось хорошенько вмазать Сергею, но она лишь отвернулась и замолчала.

Эх, было бы до Вадика не так далеко! Но от Стейтен-Айленда далеко было все. Регина жила в красивейшей части Трайбеки. Ей до Вадика минут двадцать на такси. Вика гадала, приехала ли уже Регина.

Они все дружили еще в России. Все четверо: Сергей и Вадик, потом Регина, потом Вика. Сергей с Вадиком познакомились, когда им было по шестнадцать, и с тех пор продолжалась их яростная дружба-соперничество. Вика не понимала их отношений, но все равно испытывала некоторую зависть, потому что ничего подобного и ни с кем у нее не бывало. Все старшие классы Регина была девушкой Сергея. Потом он бросил ее ради Вики, но Регина не выпала из компании, потому как у нее завязалась очень близкая, абсолютно противоестественная дружба с Вадиком. Как вообще возможны платонические отношения с мужчиной, недоумевала Вика, особенно с таким, как Вадик?

Они все мечтали уехать. Вадик, Сергей и Регина подавали в магистратуру в разные американские университеты. Все были толковыми – Вадик самым разносторонним, Регина самой вдумчивой, Вика самой усердной, но самым толковым все-таки был Сергей. В двадцать четыре он защитил кандидатскую по лингвистике. Его единственного приняли в магистратуру, и не просто, а в Нью-Йоркскую школу бизнеса. Не совсем то, чего он хотел, поскольку надеялся продолжить заниматься наукой. Но только эта программа предложила полную оплату, да и все

говорили, что это отличная школа. Они с Викой только-только поженились, и теперь уезжают в Америку! Невероятное везение!

– Тебе не кажется, что мы ступаем в загробный мир? – спросил Сергей в самолете в Нью-Йорк. – Мы оставляем позади наши жизни и погружаемся в неизвестность.

Вике оставалось доучиться в медицинском два года, но они не могли ждать. План был такой: Вика будет зарабатывать, пока Сергей учится, а потом, когда он получит хорошую работу, она закончит учебу в американском медицинском институте. В конце концов важно ведь именно американское образование. Вика получила лицензию узиста и устроилась в Онкологический центр Бинга Раскина, больницу номер один в Америке, а если что считалось номером один в Америке, оно, само собой, было номером один в мире. Сергей налегал на учебу, получал хорошие отметки, закончил с отличием. Даже нежданная беременность не нарушила плавного течения их жизни. Вика родила, как раз когда Сергей начал искать работу. Но кто мог знать, что он окажется таким неудачником, не сумеет ни найти приличного места, ни, главное, на нем удержаться? У него были мозги ученого, никак не бизнесмена. Это генетика. Оба родителя и трое бабушек-дедушек были институтскими преподавателями. Пять лет назад Сергей спросил у Вики, нельзя ли ему вернуться к учебе и получить докторскую степень, чтобы делать академическую карьеру. Она содержала его все эти годы, а теперь он снова вознамерился поучиться? Хотелось дать ему по башке, но она произнесла лишь: “Что, прости?” И он сказал: “Забудь”. Теперь, пожалуй, Вика об этом жалела. В науке он бы, наверное, добился большего.

Когда Вадик оказался в Штатах (его пригласили программистом в престижную компанию в Нью-Джерси), Сергей в очередной раз потерял работу в банке, и Вика наконец осознала, что у нее нет ни малейшего шанса закончить учебу. Тем более что теперь у них на руках был ребенок. “Двое детей”, как любила пошутить Вика, имея в виду сына и мужа. А потом два года назад Регина вышла за нереально богатого Боба и переехала в Штаты, как будто нарочно, чтобы утереть им нос своим новообретенным благополучием. Боб запустил мегауспешный стартап по разработке новых мобильных приложений. Такое ощущение, что все вокруг запускали интернет-стартапы, создавали новые приложения, строили успешные бизнесы из ничего, вот так запросто, в один миг становились богачами. Их страницы на фейсбуке пестрели фотографиями из Альп, мексиканских ол-инклюзив отелей, африканских сафари и новехоньких загородных домов. “Чего бы уж тогда не запостить выписку с банковского счета?” – вопрошала Сергея Вика.

Компания Боба называлась “Цифрогик”. И он уже заработал на ней миллионы. Ему хватило ума найти нишу и сделать приложения, отвечающие запросам пожилых людей. Одно из самых популярных, “Прямиком”, помогало бабушкам обрамлять цифровые фотографии. Дети и внуки отправляли свои фото с телефонов прямиком в рамочки, и новые изображения автоматически появлялись на экране. Все идеи Боба были вот такими – непритязательными, практичными, банальными.

Регина помогла устроить Вадика к Бобу, и теперь он тоже прилично зарабатывал. Другие тоже процветали за счет приложений. Их знакомые. Самые обычные люди, такие же, как они, такие же эмигранты. Анджела, Викина подружка по медицинской школе, запустила очень успешное приложение, благодаря которому люди могли сравнивать побочные действия разных лекарств и отбирать для себя наименее вредные варианты. Старый школьный товарищ Сергея Марик создал приложение, которое произвольно вставляло смайлики в мейлы и эсэмэски, и отправитель сразу получался более милым и жизнерадостным. Идиотизм же? Но угадываете-ка? Приложение стало суперпопулярно. Всех друзей Вадика из айтишников прямо-таки распирало от разнообразных идей. И чем они с Сергеем хуже? Ну хорошо, они не работают в ай-ти, но ведь их окружали люди как раз оттуда. Вовсе не нужно быть программистом, чтобы придумать что-то стоящее. Надо просто быть умным. А Сергей был не просто умным, он обладал завид-

ными мозгами. Разве друзья не называли его гением – и вовсе не всегда с иронией? Разве не шутили в университете, что ему придумать что-то блестящее все равно что пукнуть?

Проблема в том, что Сергею было сложно выдать простую идею, а лучше всего выстреливали самые незатейливые приложения. Сергей же вечно увязал во всякой экзистенциальной фигне.

– Как насчет онлайн-игры, которая помогает найти свою половинку? – предложил он как-то раз. – Игрокам предлагаются на выбор пары: Годар или Трюффо, Толстой или Достоевский, курица или мясо, за или против аборт. Сотни таких пар. Когда пройдешь все до конца, выпадет человек с такими же ответами. Это можно привязать к определенному месту. Например, едешь ты на автобусе и можешь узнать, кто тут еще больше любит Толстого, чем Достоевского.

Или вот еще его идея, тоже привязанная к месту: приложение под названием “Тронь меня!” давало возможность немедленного физического контакта тем, кто в нем нуждался. Стоило нажать кнопку, и поблизости находился бы человек, который не прочь поддержать тебя за руку или похлопать по плечу.

– Нет, Сергей, ну нет же! Никому не нужна такая фигня! – в очередной раз твердила Вика.

Но идея с “Виртуальной могилой” ей понравилась. Она тоже была про экзистенциальное, даже в некотором роде болезненное, но при этом все-таки практичная. Вика в нее верила. Только бы удалось убедить Боба, что для воплощения этой самой идеи ему необходим Сергей. Пожилой контингент Боба должна интересовать тема смерти. Надо лишь поумнее продумать стратегию презентации.

Вика повернулась к Сергею, который все еще сжимал руль так, будто от него зависела его жизнь.

– Главное, чтобы это не походило на презентацию, понимаешь? – сказала Вика. – Потому что, если Боб почует даже намек, он и слушать не станет. Надо как-то легко и непринужденно. Мы же идем смотреть квартиру Вадика, вот и будем говорить про квартиру, а потом Боб выпьет и размякнет, и ты просто вскользь эдак скажи, хорошо? Не Бобу, а как бы всем. И не дожидаясь, пока Боб напьется до потери сознания. Окей?

– Почему бы просто не заорать “Нетсмертинет”? Так достаточно непринужденно? – спросил Сергей и расхохотался.

На этот раз Вика ему двинула.

Они припарковались слишком близко к обочине. Правое переднее колесо заехало на тротуар, но Сергей так глянул на Вику, что она предпочла смолчать. Июльское пекло после машины с кондиционером оглушало. Шел восьмой час, но стояла невыносимая духота. На Стейтен-Айленде тоже жарко, но там хоть иногда продувало ветерком с океана, и тогда дышалось полегче.

Вадик жил на узенькой улочке с кособокими шестиэтажными домами, лепившимися вплотную друг к дружке, с чахлыми, будто совсем усохшими без листвы деревцами и горами мешков с мусором, источавших ароматы гниения фруктов, рыбы, подгузников – всего разом. В отличие от других зданий дом Вадика выглядел нежилым и новым, каким-то инородным, будто затесался сюда по ошибке.

– Здесь есть терраса! Обожаю ее! – сообщил Вадик.

– Два месяца, и он ее возненавидит, – шепнул Сергей Вике.

Вадик переехал в Нью-Йорк восемь лет назад, и это было его шестое новоселье.

Проблема заключалась не в том, что Вадик не мог найти подходящее жилье, а в том, что не мог разобраться, какое жилье ему подходит. Для большинства людей выбор квартиры определялся финансовыми возможностями, социальным статусом и характером. Но с эмигрантами дело обстояло сложнее. Они не понимали своего социального статуса, финансовое будущее было туманно, а полагаться на характер казалось слишком легкомысленным. Эмигранты в большинстве своем останавливались на стандартном варианте “дом в пригороде / горные лыжи

каждую зиму”. К нему склонились и Вика с Сергеем, обосновавшись аж на Стейтен-Айленде, где хватало на дом для семьи и имелся еще кое-какой люфт в бюджете.

Не таков был Вадик. Он позволил себе положиться на характер, что оказалось довольно спорным решением.

– Вадик, уезжая из России, оставил старого себя позади, а нового еще не взрастил, – заметил Сергей после Вадикова четвертого новоселья. – Сейчас он – набор заимствованных характеров, которые и тасует по своей прихоти.

– Ты просто завидуешь, – ответила она.

Но то была неправда. Это Вика завидовала Вадику. И Регине тоже. Завидовала их деньгам, свободе, а больше всего – неограниченным возможностям, которые все еще таило для них будущее.

– Приехали! Приехали! Приехали! Мальчик-гений и наша вечно злющая рысенька!

Вадик стиснул их в объятиях. Сергей был только чуть выше Вики, а Вадик – намного. На нем был передник поверх облегающих джинсов, и пах он дорогим одеколоном. Многие находили Вадика красивым. У него были соломенного цвета волосы, рельефные скулы, крупный рот и типично русский нос, начинавшийся довольно невнятно, но набиравший веса и значения к самому кончику. Вика не была уверена, что именно это для нее и есть красиво. Одно безусловно. Вадику не стоило сбривать свою клочковатую бороду. Он то отпускал ее, то сбривал. Когда бывал при бороде, Вика дергала за нее и ныла, до чего же уродливо она выглядит. Когда – без, оказывалось, ее не хватает. Вика подумала, будь он сейчас при бороде, слова про “злющую рысеньку” прозвучали бы милее и забавнее. И еще Вадик был слишком высоким и здоровым для передника и слишком вопиюще русским для облегающих джинсов. Джинсы наверняка появились с подачи Седжян. Вадик и Седжян познакомились недавно через приложение для знакомств “Привет, любовь!”. По словам Вадика, Седжян была “яркой и неординарной”.

– Даю два месяца, максимум три. Потом он ее бросит, – сказала Вика Сергею.

– Думаю, она его бросит, – ответил Сергей.

– А где Седжян? – спросила Вика у Вадика.

– В Пало-Альто. Боюсь сглазить, но... был разговор о том, что она переедет ко мне. Держу кулаки.

– Мы тоже, – сказал Сергей, и Вика легонько пнула его.

Они все за глаза подшучивали над тем, что у Вадика ни одна девушка не задерживалась дольше трех месяцев. Он утверждал, что нашел и потерял любовь всей жизни в свой первый день в Нью-Йорке. Они не очень-то верили. Скорее любовные неудачи были связаны с его поисками себя. Он же не мог знать, какая женщина ему нужна, пока не решил, каким мужчиной думает стать.

Вика еще и поэтому завидовала Вадику. Он мог позволить себе ошибаться с выбором. Мог что-то сделать и тут же вернуть все назад. Она же была обречена на то, что есть. Навсегда. Она так рвалась броситься в это “навсегда”, когда Сергей позвал ее замуж. А теперь от этого слова в голове мутилось от ужаса.

– Как Эрик? – спросил Вадик.

– Нормально, хорошо, – ответила Вика. – Он в Поконосе, с мамой Сергея.

Ее всегда поражало, когда Вадик спрашивал про сына. По большей части он не помнил о его существовании. Как и Регина. У Вадика в России был биологический ребенок. Он отдал сперму одной паре, у которой были проблемы с зачатием, и знал, что женщина забеременела, но ему даже в голову не приходило поинтересоваться, кто родился, мальчик или девочка.

– Да не стойте же там, пройдитеесь, осмотритесь! – пригласил Вадик, подталкивая Вику в спину.

Гостиная была не слишком выразительной – большая и темная. Почти без мебели. Ни обеденного стола, ни стульев. Только журнальный столик у тощего кожаного дивана, два кожаных пуфа и здоровый плоский телевизор на голой стене.

– Симпатично! Есть что-то такое от футуристической лаборатории, – заметил Сергей.

– Две спальни? – спросила Вика.

– Одна, – ответил Вадик, – но огромная. С террасой! И тут два туалета. Один прямо рядом с кухней. Кухня здесь – это нечто! Пойдемте, покажу.

– Ух ты! – воскликнул Сергей.

Кухня была узкой и пугающей, с хромированной техникой, вся в серых шкафчиках от пола до потолка. Из центра огромного мраморного рабочего стола прямо на них выпирала плита.

– А это все зачем? – поинтересовался Сергей, дернув Вадика за передник и указывая на сияющую коллекцию кастрюль и сковородок.

– Осваиваю молекулярную кухню, – ответил Вадик.

– Ого, – произнес Сергей.

– Я купил су-вид и потрясающее приложение к нему, называется “Чувак на кухне”. Оно мне говорит, что делать. Загружаю продукты и получаю сообщения о том, как движется дело. Вот сейчас, например, у меня там оссо-буко, и мне напишут, когда оно будет готово.

Вика вздохнула. Очередное умопомрачительно простое приложение.

– Как ты это назвал? Босса-нова? – переспросил Сергей.

– Оссо-буко, – поправила Вика. – Ну как ты не знаешь?! Его в каждом американском сериале поминают.

Раздалось пугающе настойчивое жужжание.

– Тебе звонит босса-нова? – уточнил Сергей.

– Оссо-буко! – прошипела Вика.

– Нет, наши друзья звонят, – Вадик помчался открывать дверь.

Регина подняла руки обнять Вадика, в каждой по бутылке ледяного шампанского. В России Регина была знаменитым переводчиком североамериканской литературы. Она даже получила несколько важных премий, как и ее еще более знаменитая мать. И Сергей, и Вадик говорили о присущем обоим женщинам “даровании”. Вика не слишком им поверила. Она взяла Регинин перевод “Рассказа служанки”, и он ее совершенно не впечатлил. Потом прочитала “Говардс-Энд” в переводе матери, он тоже не понравился. Книжки были скучные, но, справедливости ради, может, дело в Этвуд и Форстере, а вовсе не в Регине или ее матери.

В молодости Регине часто говорили, что она вылитая Джулия Робертс. Вику это забавляло. У Регины действительно был длинный нос и большой рот, но красоткой ее никак не назвать. Она всегда была нескладной, неопрятной и не очень чистоплотной. Теперь, став женой богатого мужчины, она, конечно, слегка привела себя в порядок, но, казалось, ее новообретенное благополучие – только тонкий слой поверх прежней неказистой себя. Безобразно скрюченные пальцы торчали из босоножек *Manolo*, а длинное платье *Nicole Miller* обтягивало весьма не безупречную фигуру. Скверная осанка, лишний жирок. При таких деньгах и свободном времени, считала Вика, Регина была просто обязана заняться своей фигурой.

Другое дело Боб. Одежда сидела на нем как влитая, казалось даже, что она на нем нарисована. У него было крепкое тело бывшего регбиста и бритая наголо голова, блестящая в свете Вадиковых флюоресцентных ламп. Лицо непроницаемое, как мраморное яйцо. Он был на десять лет старше Регины, это значит, ему сколько? Пятьдесят? Регина говорила, что Боб “не по-настоящему” богат. Совсем нет. Он умеренно успешен, но никогда ему не стать миллиардером. Он слишком стар, а это поле деятельности принадлежит молодым. Да Боб рассмеялся бы, узнай он, что Вика считает его богатым. Да-а, да, да, думала про себя Вика.

И все же Регина ее привлекала. Ей хотелось, чтобы они стали ближе. В Москве именно Вика отвергла все попытки Регины подружиться. С тех пор как Сергей бросил Регину ради нее, Вика всегда была настороже, ждала, что Регина захочет отомстить, как-то навредить ей. На ее месте Вика не приняла бы поражение так спокойно. “Но она не как ты, – говорил ей Сергей, – Регина совсем не такая”. Потом, когда Регина осталась пожить у них после смерти матери, Вике было так жаль ее, что она окружила Регину всем возможным теплом, на какое была способна. Но Регине, казалось, было совершенно все равно. А когда она вышла за Боба и перебралась в Штаты, с Викой вела себя холодно и отчужденно. Вика начала думать, что Регина считает дружбу с ней ниже своего достоинства. Наверняка так. Вика работала узистом и из последних сил старалась держать семью на плаву, а Регина была доктором философии, знала кучу языков и жила в Трайбеке.

Боб медленно прошел мимо Вики и уселся на диван. Она ничего не могла определить по его лицу. Сколько уже здесь живет, но по-прежнему не понимает американцев. Особенно американских мужчин. Женщин еще хоть как-то, потому что раза три от и до пересмотрела “Секс в большом городе”. Но вот такой мужчина, как Боб, – что его волнует?

– Молодые ребята, – как-то сказала ей Регина, – Он страшно злится, что мир технологий сейчас за ними.

– А еще?

– Еще? Смерть. Смерть его волнует. Он ее боится.

– Так ведь про всех можно сказать? – заметила Вика.

– Нет. Когда я думаю о смерти, мне просто становится плохо, и все. А Боб готовится с ней сразиться.

– Как?

– Ну, перво-наперво он помешан на превентивных мерах.

Вика поставила себе на ум запомнить это.

– Вика! – проворковала Регина, вроде нехотя пытаясь обнять ее, но как бы так и не обняв.

Последнее время у Регины стал странный, чуть остекленевший взгляд, как будто ей было трудно сфокусироваться. Знакомые думали, что она вечно обкуренная, но Вика знала, что виной тому просмотр телесериалов по восемь-двенадцать часов на дню. У Регины не было детей, ей не надо зарабатывать на жизнь. Она просыпалась в своем огромном лофте в Трайбеке, заваривала кофе и проводила дни на диване, заново прокручивая “Фрейзера”, “Сайнфелда” и “Веселую компанию”, а заодно смотря и все только вышедшие сериалы. У них был один из лучших видов из окна в городе, но Регина предпочитала не раздвигать шторы, чтобы экран не отсвечивал.

– Когда я думаю о том, что это делает с моими мозгами, – однажды сказала Вике Регина, – то представляю тающий рожок мороженого, липкий, подтекающий. Жуть! На днях мучительно пыталась прочесть рассказ Лидии Дэвис. А ведь она была моей любимой писательницей. Всего сто шестнадцать слов в рассказе. Я просидела с ним два часа и так и не одолела!

Вика часто задумывалась, помнит ли Регина, чем ей обязана. Регина встретила Боба два года назад, когда приехала на неделю к Вике с Сергеем. Вика организовала для нее исключительно плотную культурную программу, но однажды, когда они с Региной должны были отправиться на бродвейское шоу, Сергей с Эриком заболели гриппом, и Вике пришлось остаться дома. “Обязательно продай лишний билет!” – напутствовала она Регину. Регина продала лишний билет Бобу. Через полгода он сделал ей предложение. Предложение Регине! Регине, с ее скрюченными пальцами и плохо подобранными лифчиками. Некоторым людям просто везет и все.

Сергей присел рядом с Бобом.

– Ну-с, Боб, – произнес он. – Как дела с бизнесом?

– Не жалуюсь. Что у тебя?

– Забавно, что ты спросил. Я тут последнее время работал над кое-чем очень стоящим.

Вика напряглась и метнула на Сергея неодобрительный взгляд. Еще не время! Он ну совершенно не умел действовать легко и непринужденно. На прошлом дне рождения Регины Сергей загнал Боба в угол на кухне и на своем неуверенном пьяном английском принялся шептать, брызжа слюной Бобу в ухо и в пиалку с гаспачо Регинино приготовления, которую тот держал в руках.

– Боб, послушай. Послушай, Боб. Боб! Нам необходимо приложение, которое будет организовывать немедленный физический контакт людям, которые в нем нуждаются. Прикосновение или объятие, например. Настоящее прикосновение. Антипод виртуального! Когда кому-то вдруг становится одиноко, а он, скажем в “Старбаксе” или в торговом центре, и он нажимает кнопку и находит кого-то поблизости – в том же “Старбаксе” или в том же дурацком *Macy’s* – кто не против поддержать его за руку или похлопать по плечу. Въезжаешь, Боб? Боб?

Боб поморщился, пожал плечами и попытался протиснуться мимо Сергея или хотя бы убрать миску подальше от его лица.

В конце концов покачал головой и сказал: “Вы, эмигранты, считаете приложения какой-то новой золотой лихорадкой”.

– Да, считаем, – подтвердил Сергей. – И что же здесь не так?

– Ах, мой бедный друг, – ухмыльнулся Боб.

От одного этого воспоминания Вика передернуло. И теперь она схватила Сергея за рукав и потащила прочь.

Все пили шампанское на террасе. Дверь на нее была из спальни, так что пришлось миновать длинный коридор и пройти через спальню мимо Вадиковой неубранной кровати. Вика нашла его мягкое разномастное постельное белье волнующе неприличным.

Они облокотились на перила и притворились, что любят вид. Квартира Вадика была на пятом этаже, так что смотреть было особенно не на что. Жара еще не спала, но зато подул теплый ветерок, больше похожий на струю фена, чем на освежающий бриз.

– Можно, я скажу тост? – спросил Боб.

– Конечно, старина, – сказал Вадик.

Глядите-ка, как подлизывает боссу, подумала Вика.

– Вам всем, значит, сейчас сколько? Тридцать восемь-тридцать девять, так? – уточнил Боб.

– Ага, – подтвердил Вадик.

– Эй, мне тридцать пять! – вставила Вика, но Боб ее проигнорировал.

– Это дикий возраст, – продолжил он с чем-то вроде ухмылочки. – Что-то типа пубертата у взрослых. Когда стукнуло сорок, вы уже такие, как есть, и это окончательно, после уже нет пространства для маневра, и надо с этим смириться. Люди совершают чертову уйму дикой фигни перед сорокалетием.

Но у меня-то еще есть небольшое пространство для маневра, так ведь, подумала Вика.

– Знаете, чем я занимался между тридцатью девятью и сорока? – спросил Боб. – Я развелся с женой, продал дом, бросил корпоративную работу, запустил “Цифрогика” и пытался устроиться на одну должность.

– Я не знал, что ты пытался устроиться, – сказал Вадик. – А что за должность?

– Неважно. Там не сложилось, – ответил Боб. – Я к тому, что давайте выпьем за Вадика, и за всех вас, и за переломный момент в вашей жизни!

Под всеобщий одобрительный гул они выпили.

Я моложе. Хотя бы малюсенькое пространство для маневра у меня еще есть! – думала Вика. Она глотнула шампанского, и пузырьки попали в нос. Она фыркнула, поперхнулась и закашлялась.

Вадик постучал ее по спине.

– Полегчало? – спросил он. Она кивнула.

Дорогой одеколон выветрился, и теперь от него так привычно по-родному пахло солеными огурцами. Она помнила этот запах еще со времен, когда они с Вадиком встречались в институте. И еще по тому злосчастному дню пять лет назад, когда два часа целовались на диване у нее дома на Стейтен-Айленде. Вика стала спускаться ниже, но он отпрянул, и пряжка ремня оцарапала ей правую щеку. Даже кровь выступила. Вадик вел себя так, будто напрочь забыл об этих двух часах. О часе и сорока минутах, если точнее. И он был прав. Правильнее это забыть. Всегда правильнее забывать, отпускать, не ждать слишком многого, не требовать слишком много от жизни.

“Викуша, ты требуешь слишком многого. В этом твоя проблема”, – не раз повторяла ей мать. Она работала нянечкой в маленьком городке на Азовском море. У нее был муж, тихий пьянчужка, собака да корявая яблоня в саду. Большого она не требовала. И две Викиных сестры тоже. Одна была старше на четырнадцать лет, другая на двенадцать. Они всегда были для нее скорее противными тупыми тетками, чем сестрами.

Но как можно заставить себя не хотеть чего-то, не требовать? Особенно если вокруг столько всего, а жизнь так чудовищно коротка? Так мало времени, чтобы выжать из нее по максимуму! На работе Вика часами делала УЗИ, неотрывно вглядываясь в экран, где признаки болезни прятались в серой каше внутренних органов. “Расслабьтесь, расслабьтесь”, – говорила Вика, водя скользким прибором по чьему-то животу или груди. Снаружи все казалось в порядке, но вот на экране появлялось неровное темное пятнышко, или белая крапинка, или яркая точка. А потом и пачка распечаток на столе. Будто пачка открыток от Смерти.

– Шампанское – это прекрасно! – воскликнул Сергей.

Боб усмехнулся.

– Бобик его обожает! – целуя Боба в ухо, сказала Регина, что было довольно странным проявлением нежности.

В России Бобиком чаще всего называют собак. Вике было любопытно, знает ли об этом Боб. Но откуда ему знать? Все, что он знал о России, было со слов Регины, которая сообщила ему, что она из известной и очень культурной российской семьи. Ее прадед – знаменитый художник, ее бабушку и дедушку преследовали при Сталине, ее мать однажды ходила на свидание с Бродским. Отчасти все было правдой, но лишь отчасти. Про историю с Бродским Вика ничего не могла возразить наверняка, но зато точно знала, что прадед-художник вовсе не был таким уж знаменитым. Иначе его бы упомянули в Большой советской энциклопедии, а его там не было – она проверила.

Вика как-то сказала Сергею, что поняла, почему Боб женился на Регине. Все очень просто. Разбогатец, он ощутил старомодную американскую потребность поддержать культуру какой-нибудь страны Старого Света и заняться благотворительностью. И тут Регина убивала двух зайцев разом.

– Ты такая злыдня! – ответил Сергей.

Пронзительный звонок донесся откуда-то из области Вадикова паха.

– Босса-нова? – подсказал Сергей.

– Оссо-буко, – снова поправила Вика.

– Седжян! – произнес Вадик и быстро схватил трубку. И тотчас расплылся в широкой глупой улыбке. Он что-то шептал в телефон, потом прижимал его к уху, снова что-то шептал.

– Ребята, скажите Седжян привет, – сказал он, развернув к ним телефон.

Слегка размытая, но все же несомненно красивая женщина, чье лицо заняло весь экран, произнесла: “Привет”. Довольно равнодушно.

Они все поприветствовали ее.

Вадик снова зашептал что-то в телефон, Седжян шептала что-то в ответ. Они так и шептались, пока наконец тон голосов не сменился с нежного на слегка раздраженный, а потом и вовсе злой, а сам шепот превратился в шипение.

– Переключусь на айпад, – сказал Вадик. – Там изображение лучше.

Он ушел в спальню, бросил телефон на кровать, взял айпад и стал набирать.

На экране появилась более крупная и красивая Седжян.

– И что теперь? – спросила она.

Вадик направился в ванную.

– Эй, куда ты меня тащишь? – запротестовала она. – Ты же знаешь, я не выношу, когда ты носишь меня за собой!

– Хочу показать новую занавеску в душе, – и Вадик захлопнул за собой дверь.

– Нам он занавеску не показал, – зевнув, заметила Регина.

– Уверен, он намерен показать ей кое-что совсем другое, – сказал Сергей.

Регина вздохнула, а Боб принялся хохотать как сумасшедший. Отвратительно, подумала Вика.

Опять раздался звонок. Звонил телефон на кровати Вадика. Сергей метнулся в спальню.

– Не отвечай! – крикнула Вика. – Это же личное!

– А вдруг это сообщение от оссо-буко? – сказал Сергей, проверяя номер.

– Оссо-буко! – произнесла Вика, хотя на этот раз Сергей не ошибся и не было нужды поправлять.

– Месседж от “Чувака на кухне”. Что делать?

– Открой и прочти! – ответила Вика.

– Окей. Пишут: Твое блюдо готово, чувак.

– Так и написано “чувак”? – переспросил Боб.

– Ровно так! Написано – “чувак”!

Вика выхватила телефон и двинулась к ванной.

– Эй, не надо! – окликнул Сергей. – Не дергай их!

Но Вика уже стучалась в ванную.

– Что там? – отозвался Вадик.

– Что нам делать с оссо-буко?

– Ну займитесь им. Гляньте приложение!

В кухне Вадика и правда было что-то от футуристической лаборатории. На Викин вкус, она выглядела однозначно устрашающе. Напичкана всевозможными гаджетами, все как один высокотехнологичные, блестящие, огромные.

Духовка была пуста, скороварка тоже, и странный прибор справа от скороварки – тоже. Единственным работающим предметом был квадратный пластмассовый агрегат, который выглядел как гигантская микроволновка с чем-то вроде приборной доски самолета. Может, это и есть су-вид? На панели мигала красная лампочка.

Вика попыталась открыть ее и глянуть, что там внутри, но не могла найти никакой зацепки на литом корпусе.

– Я не могу открыть! – крикнула она.

– Спокойно, – произнес Боб.

Вика обернулась и увидела его. Боб стоял в дверях, держа полный бокал шампанского. Он подошел и протянул его Вике. На стекле были следы пальцев Боба. Вика отпила глоток.

– Допивай, – велел Боб.

Она допила. Что-то в нем было такое, что заставляло повиноваться. У него были голубые глаза. Очень маленькие. Очень яркие. Чуть покрасневшие. Он стоял слишком близко. Она чувствовала жар, исходящий от его тела сквозь дорогую рубашку. Она отступила назад, но уперлась в стол.

– Ты такая изысканная женщина, Вика. Такая изысканная. Такая необычная. Ты очень особенная, Вика. Ты ведь это знаешь?

Вика поплыла. Никто никогда не называл ее изысканной. Никто в ней этого не видел. Какого черта в ней этого не видели? А ведь она была изысканной!

Боб подошел еще ближе. Еще шаг, и он впечатал бы Вику в стол.

В нос ударил острый запах мяса. Непонятно, исходил он из су-вида или от Боба.

Она едва не отключилась, когда вдруг донеслись голоса из гостиной. Видно, Сергей с Региной вернулись с террасы.

– Оссо-буко, – сказала она. – Что будем делать с оссо-буко, Боб?

Он хихикнул.

– Не волнуйся, – сказал он, резко отступив. – Я им займусь.

Вика бросилась в гостевой туалет. Он был крошечный и темный, совсем не такой, как ванная при спальне. Ощущения от запаха Боба, его жара, его желания были так сильны, что она с трудом смогла пописать. Так странно, сколько раз они уже виделись, а он ее как будто и не замечал никогда. Ну что же, теперь, по крайней мере, точно заметил. Хочет завести с ней роман? Наверняка! Она взгляделась в отражение в зеркале. У нее упругое тело с формами (“с формами” ведь не значит толстая? Она не толстая), полные губы, кошачий разрез глаз. Вика сдула с лица прядь рыжеватых волос, любуясь линией лба. Веки чуть тяжеловаты, но это придает взгляду чувственности – она прочла об этом в “Космо”. Конечно, Боб должен в нее влюбиться! Они бы встречались в шикарных отелях, где есть халаты, тапочки и маленькие подушки на кроватях. Они бы ужинали в лучших ресторанах, где подают масло на серебряных блюдечках. Она наконец попробует фуа-гра и шоколадное суфле, а может, даже отведаст блюда от японского шефа. Боб купит ей ту комбинацию *La Perla*, которую она заприметила в витрине на Вест-Бродвее. А потом он бросит Регину и женится на ней. Она заслуживает кого-то вроде Боба куда больше, чем Регина! И точно так же может притворяться культурной. Может придумать себе деда, который сгинул при Сталине, и бабу, встречавшуюся со Стравинским или Баланчиным. Все равно Боб уже устал от Регины. А кто бы не устал? А попросить оплатить ее учебу – это уже слишком? Да вовсе нет! Но как быть с Эриком? О, с ним все будет в порядке. Боб будет оплачивать ему частную школу и возить в Альпы кататься на лыжах. Обычно они катались в Поконосе, и Эрик всегда жаловался, что на спусках лед и куча народу. Альпы ему понравятся куда больше. А потом будет теннисный лагерь летом. В каком-нибудь красивом месте, а не то убожество в Катскиллз, где дети целыми днями дуются в видеоигры в занюханном клубе. Да, а что же Сергей? Она представила, как он сидит один-одинешенек в их затхлом подвале, заваленном старыми игрушками Эрика и всякой ненужной хозяйственной ерундой. Сидит в темноте, в своем любимом кресле, лицо мокрое от слез, плечи трясутся. Ее обожгло волной нежности к нему. Вика вымыла руки, сбрызнула водой шею и вышла из туалета.

На улице стемнело, и гостиную мягко заливал свет от торшера. Вадик так и не вернулся, а Боб, вероятно, все еще возился с оссо-буко. Сергей с Региной были в комнате одни. Они доставали из буфета тарелки и расставляли их на журнальном столике. Болтали. От этой уютной сцены Вику замутило, и она предпочла ретироваться обратно в туалет.

При свете Вадиковой лампы Регина и впрямь немного походила на Джулию Робертс. Не считая пальцев на ногах, конечно. Но с другой стороны, как знать, что там за пальцы у Джулии Робертс.

– Я тоже люблю “Фрейзера”, – говорил Сергей. – Он добрый потому что. Добрый сериал о добрых людях. Иногда это то, чего не хватает. Немного доброты.

– Да, я понимаю, о чем ты. Он утешительный.

Вика промокнула рукавом лоб.

– Пардон! – сказал Боб, пролезая к столу с большим блюдом. – Вот и оссо-буко. А хозяин-то наш где?

И тут из ванной появился Вадик со своим айпадом.

Они ужинали, стараясь удерживать на коленях тяжелые тарелки. Вика, Регина и Сергей сидели на диване, а Вадик с Бобом напротив, на больших кожаных пуфах. Места для бокалов на столике не было, поэтому их ставили на пол, у ног.

Вадик настоял, что Седжян должна присоединиться к их ужину, поэтому водрузил айпад в центре столика, рядом с блюдом с оссо-буко.

– Разве в Нью-Йорке сейчас не безумно жарко? – спросила Седжян.

– Безумно, – поспешил подтвердить Сергей.

– А вы еще и жареное мясо едите?

– Кондей рубит на полную, – сообщил Вадик.

Когда они закончили, Вадик собрал тарелки и принес большую миску салата.

– Кейл и персики, – объявил он.

Вике салат показался отвратительным. Кейл такой жесткий, как будто жуешь рукав кожаной куртки, а персики перезрелые и склизкие. И вообще, что за мода – подавать салат после мяса?! Она то и дело поглядывала на Боба, но он вел себя так, словно и думать позабыл об их встрече. Ну что ж, черт с тобой, Боб. Его лицо стало ровно-розовым, похоже, что выпито достаточно, чтобы переходить к презентации. Вика метнула взгляд на Сергея, но он явно целиком сосредоточился на выковыривании кейла из зубов.

– А где Седжян? – поинтересовался Боб. – Не вижу ее.

Он постучал по экрану и принялся выкликать ее, как будто она пряталась.

– Седжян? – позвал Вадик.

Седжян вздохнула с явным раздражением и сообщила, что идет в библиотеку.

– Сейчас десять часов! – запротестовал Вадик.

– Здесь семь, – ответила Седжян, – и мне, ребят, немного поднадоело смотреть, как вы едите.

– Седжян! – сказал Вадик, но экран погас.

Вадик положил айпад обратно на стол. Он был заметно расстроен.

– Мне нравится твоя квартира! – попыталась сменить тему Регина. – Она немного странная, но, может, как раз потому так тебе и подходит.

Боб согласно закивал и залпом выпил еще бокал. После следующего про презентацию можно забыть. Вика хотела ткнуть Сергея в плечо, но через Регину было не дотянуться.

– Все так, старик, – подтвердил Сергей, обращаясь к Вадику. – Здесь и вправду круто. Она не супербольшая, но тут хорошо дышится. А вот задыхаешься-то как раз на окраинах.

Вадик сидел, вперившись в свой бокал, и потом со вздохом произнес:

– А вы в курсе, что я хотел покончить с собой, когда жил в Джерси?

Только не про велосипед, подумала Вика. Она уже слышала эту историю раза три, если не четыре. И Сергей. И Регина. Но они все внимательно смотрели на Вадика. Даже Боб.

– Да, вот так-то. Хотел покончить с собой. Восемь лет назад, когда только приехал сюда. Сначала жил в Картерете, потом в Эвенеле. В Эвенеле имелся дайнер “У мамочки”. В Картерете – вид на стейтен-айлендовскую свалку. В Эвенеле я снимал трехкомнатную квартиру. Только приехал из Стамбула, там у меня было три комнаты, и я считал, это то, что надо. Но в Стамбуле была мебель, а тут – три огромные, совершенно пустые комнаты. В большой спальне я поставил кровать. В гостиной – телевизор и велотренажер, а на вторую спальню ничего не осталось. Пустота пугала меня. Я старался избегать этой комнаты, но то и дело в нее забредал. И решил перенести туда велотренажер. Он казался совсем маленьким в этой гулкой пустоте. Я сел на него и принялся крутить педали. Крутил и крутил, а потом вдруг поймал свое отражение в окне. Я верхом на этом велосипеде, кручу педали в огромной белой коробке. Выглядел

в точности, как лабораторная крыса, которую пристегнули к какому-то прибору. Я слез с тренажера, пошел в ванную и взял банку с тазепамом. Я не знал, сколько таблеток нужно, чтобы покончить с собой. Десять? Двадцать? Тридцать для верности? Открутил крышку, а там – три. Всего три. Помню, думал, как же это все жалко выглядит. Ну, выпил те три и пошел спать. Проспал четырнадцать часов. Встал, собрал вещи – чемодан, компьютер, две коробки книг – и сбежал в город.

Регина принялась, как всегда в конце этой истории, то ли всхлипывать, то ли подхихкивать.

– Что такое тазепам? – спросил Боб.

– Российский транквилизатор, – пояснил Сергей.

– А здесь его можно купить?

– Не знаю. Это вроде ксанакса, только убойнее.

– И сколько нужно, чтобы отправиться на тот свет? – поинтересовался Боб.

– Так и не знаю, – ответил Вадик. – Было бы, что ли, приложение, которое помогает совершить самоубийство. Ну, чтобы находило самый простой и удобный способ.

– “Братан-самоубийца”? – предложил Сергей, и все засмеялись.

Ну вот же, вот он – идеальный момент вернуть про свою идею! Так думала Вика. Но Сергей был Сергеем, и он не догонял.

Вика все же дотянулась до него за спиной у Регины и ткнула вилкой. Он не шелохнулся. Она ткнула сильнее. Он бросил на нее суровый взгляд. Она отлично знала, что он думает: что она бессердечная стерва, которая готова протащить их идею сразу после рассказа о самоубийстве. Но ей было плевать, что он думает.

– Боб, – начала она.

Боб поднял на нее глаза. Они сровнялись цветом с лицом. Красные. Какая там встреча на кухне, казалось, он с трудом понимал, кто перед ним. Оставалось надеяться, что он пока еще соображает.

– Боб!

– Да?

– По поводу смерти...

– Да?

– У Сергея есть отличная идея для приложения.

Все уставились на нее, как будто она допилась до чертей. Она была навеселе, но ей было плевать. И на легкость и непринужденность тоже плевать. Она просто сейчас с ходу выложит их идею. Выложит прямиком Бобу.

– Такое новое приложение, Боб. Оно позволит побороть смерть.

Боб наморщился, честно пытаясь понять.

– Побороть смерть? – переспросил он.

Сергей прочистил горло. Все повернулись к нему.

– Ну, не то чтобы побороть, конечно, но оно позволит сохранить твоё онлайн-присутствие после смерти, – объяснил Сергей. – Остаться бессмертным в виртуальной реальности. Понимаете, на эту идею меня вдохновил русский философ девятнадцатого века Николай Федоров.

О нет, только не Федоров! – подумала Вика. Но оглядевшись, увидела, что Боб слушает с большим интересом.

– Главной идеей Федорова было воскрешение отцов. Он считал, что это долг каждого сына – воскресить своего отца.

– Хм, – заметил Боб. – У моего психотерапевта прямо противоположный взгляд. Похорони своего отца – вот его совет. Похорони своего отца, высвободи себя из-под его власти, иначе тебе никогда не обрести самостоятельность.

– Ну вот Федоров так не считал. Он полагал, что главная проблема современного человека в том, что он потерял связь с предками. Федоров полагал, что смертность преодолима и преодолеть ее необходимо, потому что она – корень всех зол. В том смысле, что к чему быть хорошим, если все равно умрешь? Федоров настаивал, что борьба со смертностью должна стать общим делом всех людей мира, независимо от их этнической и социальной принадлежности. Наука развивается столь быстрыми темпами, что скоро можно будет достичь бессмертия и воскресить мертвых. Федоров считал, что со временем мы научимся собирать и синтезировать молекулярные данные умерших. По сути, он предсказал клонирование.

Сергей говорил все увереннее. У него был такой выразительный голос – слегка скрипучий, но глубокий и властный. Вика и позабыла, до чего ей всегда нравился его голос. Даже его английский стал приличнее. У него по-прежнему был сильный акцент, но то был акцент уверенного мужчины.

– Когда это все было? – спросил Боб.

– В конце девятнадцатого века.

– Поразительно.

– Но Федоров полагал, что одного генетического или физического воссоздания человека недостаточно. Необходимо еще вернуть воскрешенному его прежнюю личность. Федоров прорабатывал теорию “лучистых образов”, которые будут заключать в себе индивидуальности людей, но не мог еще четко сформулировать, как сохранять и извлекать эти образы.

– “Лучистые образы”? – переспросил Боб.

– Думаю, он имел в виду душу, – сказал Вадик.

– Да, душу, – подтвердил Сергей. – Душу, которая по определению считается бессмертной, но на самом деле таковой не является. Потому что, куда она, собственно, девается, когда мы умираем?

– Вот именно, – согласился Боб.

Вика заметила, что глаза у него стекленеют и он оглядывается в поисках бутылки. Она вперилась в Сергея, мысленно призывая: “Заканчивай с Федоровым!” Он на нее не смотрел.

– В этом была загвоздка у Федорова. Как можно заниматься сохранением чего-то, если не знаешь, как это что-то найти?

– Вот именно, – снова произнес Боб.

– Но теперь-то мы знаем, где это найти.

– Знаем?

– Да. В нашем присутствии в интернете. В нашем мейле, твиттере, фейсбуке, инстаграме – где угодно. Именно там сегодня люди делятся своими самыми потаенными чувствами и мыслями обо всем, что находят забавным, ярким или просто любопытным. В наше время суть человека представлена именно в онлайн.

– Вот именно! – сказал Боб.

Похоже, слова про *присутствие в онлайн* слегка привели его в чувство.

– И вот тут в дело вступает мое приложение.

Сергей в общих чертах изложил суть “Виртуальной могилы”.

– Я придумал лингвистический алгоритм, который позволяет сохранять и воссоздавать виртуальный голос умершего человека на основе всех текстов, которые были написаны им в интернете. Не так сложно прогнать весь поток чьей-то речи через программу и вычленив характерные семантические и синтаксические шаблоны, а заодно и поведенческие – их определяет характер личности, какой она предстает в онлайн-пространстве. Представьте, что умирает ваш любимый человек. Вы сможете подключить “Виртуальную могилу” к его профилям в сети, включить приложение и воссоздать его голос. И сможете задавать ему вопросы. Разумеется, ответы не будут конструктивными – это не спиритический сеанс. Но нам и не нужен

конструктивный совет от умерших. Важен сам контакт, иллюзия, что они по-прежнему где-то существуют, присматривают за нами, пусть всего лишь виртуально.

Слова, которые за последние недели Вика слышала уже столько раз, сегодня зазвучали иначе. Поэтичнее, значительнее.

Она представила, как Эрик пытается вот так выйти на связь с ней или Сергеем и почувствовала ком в горле. Ей с трудом удалось сдержать слезы. Казалось, даже Вадик тронут. И только Регина тихонько давилась от смеха. Вот же сука, подумала Вика.

Из-под столика донесся громкий всхлип.

– Седжян! – сказал Вадик. – Я думал, ты ушла.

Айпад так давно погас, что Вика напрочь о ней позабыла.

– Седжян! – позвал Вадик и постучал по экрану.

Из тьмы появилось светящееся пиксельное изображение Седжян. Ее глаза были влажными, как будто она вот-вот расплачется.

– Это прекрасно, ребята. Это прекрасное, прекрасное приложение, – сказала Седжян.

И только по лицу Боба невозможно было понять, что он думает. Он сидел, оцепенело уставясь на Сергея. Потом встал, подошел к нему и хлопнул по плечу.

– Мне нравится ход твоих мыслей, старина! Нравится. Нравится. Нравится. Меня тошнит, что весь этот бизнес в руках малолеток. Что они знают о жизни? Какое им дело до смерти? Что они вообще могут создать, когда ничего они не знают и дела им нет? Логично, что им только тупые игрушки под силу придумывать.

Боб шлепнулся обратно на пуф, послушно принявший его форму.

– Ох, до чего мне это нравится... – снова простонал он.

Вика откинулась назад и прикрыла глаза. Дело сделано. Боб на крючке. Она слышала, как сердце колотится в пьяном возбуждении. Перед ней проплывали и множились картины их блестящего-преблестящего будущего: японские шефы и пятизвездные курорты в итальянских Альпах, шикарные пляжи на Карибах и собственный лофт в Трайбеке, а потом, наконец, и первоклассная магистратура, и ее вновь обретенное счастье, и головокружительный секс с прекрасным, талантливым, несравненным Сергеем.

– Одно только меня беспокоит, – произнес Боб.

Вика открыла глаза и уставилась на него. Он явно протрезвел, взгляд стал острым, даже жестким.

– Мне нравится твоя идея, старина, – сказал Боб. – Да, черт подери, очень нравится! Но она не сработает. По крайней мере не на американском рынке. Понимаешь, американцы к смерти подходят, либо упирая на свою христианскую веру, либо просто ее игнорируют. Мы не любим думать о смерти. Мы предпочитаем более духоподъемные вещи, вроде увеличения срока жизни или ее улучшения. Такие дела. Прости, старина. – Он вздохнул и вытащил из-под стола новую бутылку.

– Вадик, скажи своему другу, чтобы он не расстраивался, – попросила Седжян из тьмы айпада.

– Ничего, жить будет, – сказал Вадик.

То есть как? Боб что, имеет в виду, что на этом все? – опешила Вика. Все? Вот так запросто? Нет, не может быть!

– Нет! – вскричала она. – Наше приложение не про смерть! Оно о бессмертии, а не о смерти. О бессмертии. Сергей, скажи Бобу про бессмертие. Бессмертие духоподъемно. Сергей, скажи это Бобу! Скажи Бобу! Скажи ему!

Она топнула ногой и опрокинула Регинин бокал. Вино растеклось по свеженатертому полу. Все побросали на лужу свои салфетки, а Вадик притоптывал по ним, словно пытался потушить пожар. Все как будто старались не смотреть на Вику. Особенно Сергей.

– Сергей! – окликнула она.

– Знаете, какое приложение было бы круто сделать? – сказал он, ни на кого особенно не глядя. – Такое, чтобы нажать кнопку и отключить звук у кого-то. Как у телевизора, только с человеком. Представьте – званый ужин, все беседуют, но есть там одна на всех персона, про которую вы только и мечтаете, чтобы она заткнулась. И вы наводите устройство на эту персону – можно незаметно, под столом – и убираете звук. Все остальные прекрасно ее слышат, и вы остальных слышите, а ее – нет. Разве не мечта?

Все рассмеялись. Но не одновременно. Вадик первым начал подхихикивать. Следом вступил Боб со своим свистящим гоготом. Потом присоединилась Регина, но с ней никогда до конца непонятно, смеется она или плачет. А вот Седжян точно смеялась, и ее хохот был самым довольным.

– Простите, – все повторяла она, – но это очень смешно. Дико смешно. Хочу такое приложение.

Вику взбесил их смех, он был ей противен, но она не сразу поняла, что все смотрят на нее и смеются над ней.

Она отвернулась, перешагнула через груды салфеток и направилась в спальню.

– Нет-нет, не надо, – услышал она голос Сергея. – С ней все будет в порядке. Ей просто надо побыть пару минут одной.

А надо ли? – задумалась она, выходя на террасу. – Надо ли мне побыть одной?

На улице заметно посвежело. Вика старалась не расплескать остатки опьянения, чтобы согреться и не грустить. Она чувствовала себя потерянной. Да и все они – напрочь потерянные. Почему никто для них приложения не придумал? Чтобы помогать найти свою дорогу в жизни? Ей плевать на бессмертие. К черту бессмертие! Ей важна только эта жалкая скоротечная жизнь, которая им отпущена. Почему никто не придумал приложения, чтобы сделать ее хоть как-то легче?

Вика обвела взглядом крыши домов. На всех имелись спутанные провода, на некоторых торчали водяные бочки на кривых ногах. На каких-то теснились трубы, одновременно клонясь в стороны друг от друга, как люди в несчастливых семьях. Ну точь-в-точь несчастливые семьи! И глядя на эти трубы, Вика расплакалась.

Глава 2

Привет, любовь!

До Седжян была Рэйчел II, а до Рэйчел II была разумная София, а до разумной Софии была Кэтрин Дженкинс, а до Кэтрин Дженкинс была Таня. Со всеми ними Вадик познакомился через “Привет, любовь!”.

На фотографию профиля Таня поставила портрет Саги Норен, шведского детектива с синдромом Аспергера из датского сериала “Мост”. Вадик не слишком нравилась Таня, но ему нравился “Мост” и его странноватая героиня, так что всякий раз, как они встречались с Таней, он представлял, что на самом деле встречается с Сагой Норен.

Милли, Фоска, Тереза, безумная София. С ними он познакомился на другом сайте знакомств “Твоя пара”, потому что гораздо более продвинутого “Привет, любовь!” тогда еще не было. В “Твоей паре” было крайне сложно определить градус безумия человека по его профилю. Безумная София оказалась кукольным мастером. Она делала жутких махоньких кукол с ресницами, ногтями и шелковистыми волосами на лобке. Кому вообще могли прийти в голову трехдюймовые куклы с волосами на лобке? “Потрогай их, Вадик, – требовала она. – Погладь их. Чувствуешь, какие они мягкие?”

Или взять, к примеру, диджея Тому, с которой Вадик тоже познакомился через “Твою пару”. Диджей Тома сообщила, что была владелицей самой крупной пиар-фирмы во всей Западной Сибири, но ей пришлось бежать из России из-за политических преследований. Когда Вадик начал с ней встречаться, она днем работала уборщицей, а ночами диджеила в клубе в Ист-Виллидже. В свободное время пыталась организовать бизнес по продаже снадобий по старинным сибирским рецептам. За те четыре месяца, что Тома прожила у Вадика в Бронксе, она умудрилась весь холодильник забить разнообразными склянками со своими зельями. На этикетках значилось: божественное вдохновение, благодать, любовь, здоровое сердце, проблемы с желудком и уйма денег. Сергея больше всего интересовали последние два. Он все выпрашивал у Вадика, действуют ли они. “Вроде бы да, – отвечал Вадик, – вроде бы да”. Однажды, пока Вадик был на работе, Тома спустила большую часть снадобий в туалет, собрала свои вещи (а заодно и некоторые Вадика) и свалила. Оставила записку, что едет в Перу проверить, вправду ли сан-педро так уж отличается от ЛСД. Купила тур, включавший неделю дегустаций сан-педро в доме настоящего шамана. С тех пор как в воду канула. Прошел слух, что умерла от передозировки. Но был и другой – что стала менеджером того самого шамана и помогла ему значительно расширить клиентскую базу.

Была еще Барбара, мастер нетрадиционного массажа. До Барбары (а точнее, во время) была Эбби. Потом Барбара узнала об Эбби, а Эбби – о Барбаре, и Вадик снова остался один.

Кто еще? Джесси, его менеджер по персоналу. Дана, женщина, сидевшая за соседней перегородкой в “Морган Стэнли”, – после нее он зарекся заводить романы на работе. Вика. Да-да, его бывшая девушка, а нынче – жена его лучшего друга, Вика. Был один-единственный эпизод, о котором он очень старался позабыть. Ничего серьезного не произошло, в самый последний момент он смог остановиться, но все равно еще долгие месяцы его крючило от стыда. Он чувствовал себя страшно виноватым перед Сергеем и надеялся только, что тот никогда не узнает, но одновременно испытывал бешеное раздражение, потому что встреча с Викой снова погрузила его в российское прошлое. Он приехал сюда за новой жизнью, а не ворошить прошлые любви.

До Вики была Сью, официантка из дайнера “У мамочки” в Эвенеле, в Нью-Джерси. До Сью – Энджи, другая официантка оттуда же.

У Сю была выцветшая татуировка котенка на плече. Про Энджи Вадик вообще ничего не мог вспомнить.

– Меня это все достало, – признался он Регине после расставания с Эбби. По скайпу, потому что Регина тогда еще была в России.

– Ну еще бы, – ответила Регина. – Все эти свидания жутко выматывают. Знаешь, что меня больше всего выматывает?

– Что?

– Подогревать надежды. Мне для этого нужно невероятно напрячься, как качку какому-нибудь.

Дружба Вадика с Региной началась довольно неловко, когда Вика бросила его ради Сергея, на тот момент – молодого человека Регины. Через несколько дней после разрыва Регина попросила его приехать и забрать вещи Сергея, которые остались у нее дома. Вадик подумал, может, он ей нравится. Его самого Регина не то чтобы привлекала – от нее как-то странно затхло пахло, неприятно, – но все же ему было любопытно. Однако когда он приехал, Регина пребывала в такой тоске и раздрае, что пытаться заняться с ней сексом показалось просто неприличным. Вместо этого они принялись разговаривать. Они и слова плохого не сказали о Вике или Сергее, это было бы пошло, но не удержались и обсудили Федорова, большое увлечение Сергея, признавшись друг дружке, до чего же их бесили его философские идеи. Мало-помалу они стали друг для друга главными конфидентами/психотерапевтами/советчиками в любовных делах. После отъезда Вадика из России они продолжали говорить по скайпу два-три раза в неделю.

– Меня уже пора связать. Не могу так дальше! – жаловался через экран Вадик.

– Просто выбери какую-нибудь девушку и женись на ней, – призывала Регина. Она собиралась замуж за Боба и была преисполнена энтузиазма на тему женитьбы.

Вадик тогда встречался с Рэйчел II, она была социальным работником и училась на магистра. В юности Рэйчел II обожала лошадей. На письменном столе у нее стояла фотография любимой лошадки Билли.

Вадик и Рэйчел II расстались, когда она застучала, как он в разговоре с Региной вышучивал Билли. Сначала Вадик все отрицал. Он же говорил по-русски, с чего она взяла? Но разве он не держал фотографию Билли и не смеялся? – спрашивала Рэйчел. И разве та страшная русская на экране не гоготала в ответ? Пришлось признаться.

Самое печальное, что Регина как раз-таки считала, что Рэйчел II лучше всего подходила Вадика. Она была самой вменяемой из всех.

Вика была не согласна. Вика считала, что лучше всего подходила разумная София. Она говорила, очень хорошо, что София старше Вадика, значит, она будет более терпимой. Разумная София преподавала сравнительную литературу в Государственном университете Нью-Йорка в Нью-Пальтце. Она была членом клуба и могла плавать по дорожке в озере Минневека, расположенном примерно в десяти милях от кампуса. Членство в клубе значилось в профиле на “Привет, любовь!” в числе шести вещей, без которых она не может жить. Она все время спрашивала Вадика получить карту.

– Там прямо посреди озера пущен трос, – рассказывал Вадик Сергею. – И они просто плавают вдоль него, туда-сюда, туда-сюда, как приговоренные.

Вадик и София расстались, потому что он был не готов видеть красоту в плавании по дорожке в естественном водоеме.

Для Сергея лучшим вариантом для Вадика была Седжан. Он поверить не мог, что такие девушки попадают на сайте знакомств. Вадик встретился с Викой, Сергеем и Региной вскоре после новоселья, и поскольку провал с идеей Сергея был все еще слишком болезненной темой, они принялись обсуждать Седжан. Сергей сказал, что Седжан слишком красива для такой

умной девушки. Вика сказала, что для начала это замечание страшно сексистское и к тому же она вовсе не считает Седжян красивой. Регина расхохоталась.

– Нет, она очень красивая, – сказал Сергей. – Проблема в том, что Вадик у нее не по зубам.

– Почему это не по зубам? – спросила Вика. – Он же очень неплохо зарабатывает.

– Верно, – согласился Сергей.

– Эй, ребят, – вставил Вадик. – Вообще-то я тоже тут сижу!

Но они продолжали спорить, не обращая на него внимания, как будто его мнение вообще ничего не значило.

– Думаю, я все еще влюблен в Рэйчел I, – сказал Вадик.

Регина перестала смеяться. И все отвели глаза, как будто он произнес что-то чудовищно непристойное.

Вадик встретил Рэйчел в самый первый свой день в Америке.

Он приехал в Нью-Йорк субботним утром в разгар зимы. Шел сильный снег. Вадик проснулся, когда самолет пошел на посадку, и сразу бросился поднимать шторку иллюминатора, надеясь ухватить знаменитую панораму Манхэттена. Но за окном была лишь белая муть. И все равно он почувствовал радостное возбуждение. Он не видел очертаний небоскребов, но чувал, что они там, прямо под самолетом, скрытые облаками. Он ощутил знакомый прилив волнения, волнения, не оставлявшего его с самого момента получения заветной визы H1-B, которая давала разрешение на работу в США на три года. Два года он проторчал в Стамбуле и уже ненавидел его. Там он отметил свое тридцатилетие, но начало нового десятилетия он встречал в новой стране. Он то и дело доставал паспорт и поглаживал страницу с визой, будто это живое существо.

Сквозь привычное шипение микрофона донеслось объявление. Бортпроводник сообщал, что из-за сильного снегопада они, вероятно, не смогут совершить посадку в аэропорту Нью-Йорка и самолет, вероятно, направится в Филадельфию. Нет, нет, нет! – взмолился про себя Вадик. Посадка в Филадельфии рушила все его планы. В понедельник он заступал на должность программиста в компании *EarthlyFoods* в Эвенеле, Нью-Джерси. И жить ему предстояло там же, в служебной квартире от компании. Сергей должен был встретить его в аэропорту и отвезти к ним с Викой домой, на Стейтен-Айленд, а потом, в воскресенье забросить в Эвенел. Но Вадик надеялся упросить Сергея отвезти его прямо в город, чтобы он мог всю субботу посвятить знакомству. Он в точности знал, что хотел делать.

Он хотел бродить по улицам наугад, просто следуя интуиции, куда бы она его ни повела. Он хотел бродить так часами, а потом найти какой-нибудь богемного вида бар и провести там остаток дня за бокалом красного и книгой, как настоящий нью-йоркский интеллигент. На нем будет твидовый пиджак. Вадик надел его перед посадкой, не желая класть в чемодан, чтобы не помять. Он немало времени потратил, выбирая, что за книгу станет читать в баре. Что-то французское? “Тошноту” Сартра? “Кино” Жюль Делеза? Нет, это невыносимо претенциозно. Вадик же не собирался производить впечатление на других. Он хотел, чтобы в нем видели харизматичного интеллигента в твиде, но куда важнее было видеть себя таковым самому.

Вадик снова глянул в иллюминатор. Казалось, они зависли в облаках. Он закрыл глаза и сконцентрировался на желании, чтобы они приземлились в Нью-Йорке. Он представлял, как жесткое туловище самолета разрезает плотную пелену облаков, попадая в ясное чистое пространство между небом и землей, а затем мощным и решительным движением спускается, пока шасси не коснутся посадочной полосы. Салон взорвался аплодисментами, и на долю секунды Вадик подумалось, что хлопают ему.

– Ты можешь отвезти меня в город? – спросил Вадик Сергея после приветственных объятий.

– В город? Сейчас? – В голосе Сергея звучало недоумение, как бы говорившее, что город ведь очень далеко.

– Ага, сейчас, – подтвердил Вадик.

– Но Вика ждет и столько еды наготовила. Она расстроится.

Ужас в глазах Сергея выдавал, чем обернется для него самого это Викино расстройство.

Поэтому они поехали на Стейтен-Айленд. По шоссе из аэропорта, потом длинный кусок Белт-Парквей, мимо серой студенистой массы океана, через скрытый туманом мост Верраццано, и наконец, по бесконечному бульвару Хайлен с его унылыми витринами. Все это время Сергей подпевал своему любимому альбому Леонарда Коэна.

Тогда, в университете, Сергей был звездой. Очень хорош собой – все говорили, что с его точеными строгими чертами лица он очень похож на французского актера; он был самым умным и способным (профессора нередко цитировали его на занятиях); играл на гитаре и пел, слабовато, но все же. Он мог заполучить любую девушку. Да он, черт побери, прямо из-под носа у Вадика увел Вику.

Так или иначе, Сергей и сейчас был красив. Только вот пение его страшно портило. То, как он морщил нос всякий раз, как выводил куплет. Как хмурил лоб всякий раз, как трудно давалось слово. Страдальческое выражение лица на особенно трепетных моментах. И само по себе его пение. Дело даже не в том, что Сергей фальшивил и пел со слащавым русским акцентом, хотя и это резало Вадику слух. Главной проблемой было, что голос Сергея, полностью перекрывавший баритон Коэна, был детским и жалобным.

Милая, я все ждал,
Ночи и дни ждал.
Времени не замечал,
Напрасно полжизни прождал.

Выходило беспомощно. Вадик испытывал к нему брезгливую жалость. И еще злость, главным образом потому, что “В ожидании чуда” была его любимой песней, и пение Сергея убивало ее. Он заметил, что из бардачка торчит палец кожаной перчатки Сергея, и ему захотелось выдернуть ее и запихнуть другу в рот.

Поначалу он не слишком торопился добраться до дома, но теперь не мог дожидаться, когда они уже доедут. Вика тоже явно не могла дожидаться. Она выскочила на порог, как только услышала шум мотора, и побежала босиком по дорожке, оставляя следы на тонком слое свежего снега. Ее объятия были крепкими и душными, и где-то даже неловкими. Вадик с трудом высвободился. Но надо отдать должное, выглядела она прекрасно. Эти облегающие джинсы и еще более облегающий свитер, короткие кудрявые волосы на новый модный манер.

– Вика, выглядишь потрясающе, – сказал Вадик.

– Это все зубы, – ответила она, насупившись. – Видишь, я наконец исправила зубы!

Вадик совершенно не понимал, о чем она говорит.

– У меня в институте были кривые зубы, неужели не помнишь?

И тут он вспомнил. Она обычно улыбалась, не разжимая рта, и прикрывала его рукой, когда смеялась. Когда Вадик впервые увидел ее на институтской вечеринке, подумал, что она прикрывает рот от стеснения. Эта привычка стала ему особенно мила, когда позднее он убедился, что Вика ничуть не была стеснительной.

Вика повела Вадика наверх показать дом. Он заметил только, что мебель была коричневой, а стены желтыми.

– Мы отдадим тебе этот велотренажер, – сказала Вика, указывая на здоровенный снаряд в углу спальни. – Он вообще новый. Я подарила его Сергею на день рождения, но он его, кажется, ненавидит.

Вика показала Вадику его комнату. Потом повела знакомить с Эриком – четырехлетним мальчуганом, маленьким, надутым, похожим на упитанную версию Сергея. Он сидел на полу в

своей крохотной комнатке, держа в руках приставку “Гейм бой”. Он так рьяно жал на кнопки, словно от этого зависела его жизнь.

– Привет, – поздоровался Вадик.

Эрик поглядел на него и произнес: “Здравствуй”.

Вадику не пришлось в голову привезти Эрику подарок – игрушку или что-то еще, – и теперь ему было неудобно. Он не представлял, как разговаривают с детьми.

– Так что, Эрик, – спросил он, – что ты любишь делать?

– Я люблю убивать, – ответил Эрик и снова принялся жать на кнопки.

Остаток утра и часть дня они провели на их просторной кухне, из окна которой вдали виднелись детская площадка и кладбище.

– Нам сказали, что из дома вид на парк, – пояснил Сергей. – Дело было летом, поэтому могил за густыми деревьями не было видно...

Вика оборвала его.

– Зато мы можем отпустить Эрика одного гулять через дорогу, потому что его видно из окна.

Вадик представил маленького печального Эрика на безлюдной площадке, как он качается на качелях, глядящих на могилы. И тут опомнился, что надо же похвалить дом.

– Да, это был правильный выбор, – не очень уверенно произнес Сергей.

Вика поведала ему, что умерла бабушка Сергея, и отец Сергея продал ее квартиру и отправил им деньги для первого взноса. Теперь они каждый месяц мучительно выплачивают огромные суммы по кредиту, но все же покупка дома была правильным решением. Потому что здесь так заведено, добавил Сергей. Все их знакомые это говорили. Какое-то время снимаешь квартиры в тех частях Бруклина, где подешевле, а потом покупаешь дом в пригороде или на Стейтен-Айленде. Потом продаешь его и покупаешь дом побольше и получше, потом стареешь и отдаешь его детям, а сам удаляешься в дом для престарелых. В голосе Сергея звучали одновременно ненависть и обреченность, отчего Вадику стало неуютно и даже немного жутковато. Он попытался вообразить довольного жизнью Эрика, уже взрослого мужчину, везущего своих родителей в дом для престарелых, чтобы наконец-то заселиться в их дом.

Вадик пару раз пытался увести разговор с темы недвижимости. В мейлах Сергей всегда расспрашивал об их университетских друзьях, и теперь Вадик начал было рассказывать, что Марик все еще трудится над диссертацией по генеалогии, а вот Алина свою забросила и занялась разработкой компьютерной игры по Набокову, а Кузмин – помнишь этого кретина – запустил какой-то бизнес с Абрамовичем. Слышал же про Абрамовича? Тот парень, у которого пол-Европы в кармане, включая футбольный клуб “Челси”. Но тут Вика наступила ему на ногу и покачала головой. Видимо, она считала, что эти истории расстраивают Сергея. “Он слишком скучает по нашей прежней жизни”, – призналась она Вадику, показывая дом. Она переключилась на планы Вадика, но тут уж он впал в панику. Он не знал, хочет ли пойти учиться. Не знал, хочет ли жениться. Не знал, хочется ли навсегда остаться в Штатах. Он просто хотел какое-то время пожить жизнью американца, что бы это ни значило. Он не смог объяснить этого Вике. Даже Сергей, похоже, не понял, о чем он.

Они пили водку и закусывали ветчиной, колбасами, маринованными огурцами и салатами, купленными Сергеем в единственном на Стейтен-Айленде русском магазине под названием *MyEurope*. Свекольный, морковный, баклажанный, грибно-сырный, селедочный салаты. И наконец, капустный под чудным названием “Изоolda”. По поводу “Изоолды” случилась небольшая перебранка. Стало ясно, что Вика отдельно напомнила Сергею внимательно проверить сроки годности, но он забыл.

– Смотри, все остальные салаты до 19 числа, а этот – до 16-го. Которое было вчера!

Вадик вызвался съесть “Изоолду”, утверждая, что у него луженый желудок.

В какой-то момент на кухне нарисовался Эрик и потребовал питания.

– Чего тебе дать, дружок? – спросил Сергей.

Эрик отказался от салатов, но взял с тарелки пару кусков колбасы и сжал в кулаке. Вика забрала у него колбасу, положила на хлеб, потом достала из холодильника огурец и лист салата, положила все это на тарелку, вручила Эрику и отправила его смотреть телевизор в гостиной. Теперь их разговор перемежался воплями и писком мультяшных персонажей, которые периодически сменялись счастливыми детскими голосами, восхваляющими какую-нибудь марку готовых завтраков или соков. Потом у Эрика заболел живот. Вика забрала его наверх, пообещав скоро вернуться.

Вадик схватил Сергея за рукав и взмолился: “Сергея, прошу тебя, отведи меня до метро или еще чего. Я тут умираю. Мне надо в город!”

Сергей посмотрел на часы, потом прислушался к приглушенным голосам, доносившимся сверху.

– Здесь нет метро. А паром далеко. Я провожу тебя до автобуса, он идет напрямиком в мидтаун.

Билеты были наверху, но Сергей не хотел рисковать, поэтому взял банку с четвертаками, отсчитал ровно столько – сорок штук – сколько надо на поездку туда и обратно, и отдал Вадику. Вадику нравилось ощущать тяжесть монет в кармане, как будто он собирался совершить что-то противозаконное. Сбежать с ворованным золотом.

Чуть не на пороге Вадик вспомнил, что не взял книгу. “Кино” осталась в чемодане.

– Можно взять у тебя какую-нибудь книжку?

– Все хорошие у меня наверху, – сказал Сергей. – Здесь лежат те, что пойдут на гаражную распродажу.

Вадик пробежался по полкам. Там были старые диски с “Бэмби” и “Королем-львом”, книжки “Руководство по домашнему ремонту для чайников”, “Руководство по кредитам для чайников”, “Ешьте правильно!” и “Ад – это другие: антология французской философии XX века”. Вадик схватил антологию и помчался на улицу.

Автобус ушел за секунду до их появления, и им пришлось бежать до следующей остановки, чтобы успеть его перехватить. И Вадик успел, и опускал свои монеты, одну за другой, пока автобус отъезжал. Отъезжал в город.

Джетлэг с водкой подействовали как снотворное, и проснулся он, когда уже подъезжали к конечной, пересечению Пятьдесят девятой улицы и Шестой авеню. На улице стемнело и похолодало, на тротуарах жидкая каша, но Вадику это было нипочем. Наконец-то он здесь. У него получилось. Шел легкий снежок, и испарения окрашивали небо в желтый цвет. Над головой нависали небоскребы, словно парящие в желтом тумане. Вадик понятия не имел, куда идти. Центральный парк выглядел безлюдным, и он решил двинуть вниз по Шестой, вглубь города. Он шел по мокрому тротуару, глядя вверх, переходил улицы, когда светофор переключался на зеленый, ступал в лужи грязной жижи. Поворачивал направо или налево, когда заблагорассудится, когда приглянется какая-нибудь боковая улочка. Он уже не понимал, в каком направлении движется. Ну и пусть. Он вбирал в себя все: здания, витрины, лимузины и желтые такси, людей. Сколько же там было людей! Живых, энергичных, целеустремленных, спешащих куда-то добраться. Женщин. Красивых женщин. Некоторые смотрели на него. Некоторые даже улыбались. Он чувствовал себя высоким. Чувствовал себя огромным. Чувствовал, как будто его голова вровень с этими фантастическими билбордами на Таймс-сквер. Чувствовал, будто он поглощает город, пожирает его. Это был его город. Он наконец-то нашел его.

Вадик бродил часы напролет. Он остановился, только когда заметил, что ботинки промокли до носков. Совсем рядом ярко светились окна дайнера. Вадик решил зайти. Дайнер был ни капли не похож на элегантный бар в Гринвич-Виллидж, который он себе навообразил, но Вадик решил, что тут даже лучше. К тому же ему не хотелось ни вина, ни пива. Он заказал кружку чая и чизкейк, потому что вспомнил, как Сергей говорил, что чизкейк – это

исключительно американская еда. Ему нравился этот дайнер. Здесь было мило, по-домашнему, тихонько играла американская поп-музыка. Людей почти не было, только пожилая пара ела суп за стойкой, грязноватый парень, может, бездомный, что-то мудрил у музыкального аппарата, и через проход сидела девушка в мешковатом клетчатом пальто. У девушки был насморк. Она все время вытирала нос салфеткой и шумно хлюпала, как кролик. Нос у нее покраснел и распух, и Вадик едва мог разглядеть ее глаза за темной челкой, но ему нравилось, что ее волосы убраны в две коротких косички. Перед ней стояла прозрачная кружка с какой-то мутно-коричневой жидкостью. Вадику было любопытно, что там. На секунду она подняла глаза, и он увидел, что они маленькие, янтарно-карие и очень красивые. Вадик хотел ей улыбнуться, но она уже опустила взгляд. Она читала книгу. Вадик решил, что пора и ему достать свою. Раскрыл на середине, отпил чаю и погрузился в чтение.

Он не понимал ни слова. Или, скорее, понимал лишь отдельные слова. Он пытался сосредоточиться, но не мог, потому что в голове крутилась только девушка с насморком. Вадик съел кусочек чизкейка, тот оказался отвратительно приторным. Пролистал книгу до конца и обнаружил, что не хватает страниц эдак пятидесяти. Когда наконец поднял глаза, то увидел, что девушка смотрит на него. Он улыбнулся и спросил, можно ли к ней присоединиться. В обычной жизни он бы постеснялся, но тогда ему чудилось, будто его наполняет какая-то невиданная счастливая уверенность, которая помогает делать то, чего хочется.

– А что у вас в чашке? – спросил он, пересаживаясь в ее кабинку.

– Сидр с ромом, – ответила она.

Вадик попросил официанта принести и ему сидра с ромом. Это оказалось очень вкусно.

Девушку звали Рэйчел. Вадик представился и спросил, из Нью-Йорка ли она. Она была из Мичигана и переехала сюда пару месяцев назад учиться в магистратуре. Он сказал, что приехал сегодня утром.

Она улыбнулась и сказала: “Добро пожаловать”.

Дни, недели, месяцы, даже годы спустя, стоило Вадику вспомнить этот их первый разговор (а вспоминал он о нем очень часто), он удивлялся, насколько ему было легко. Его английский был довольно хорош – он много говорил по-английски, когда работал в Лондоне, да даже и потом, в Стамбуле, – но те разговоры никогда не давались так легко. Он мучительно подбирал слова, путался во временах и артиклях, неправильно произносил слова. Но тогда, в дайнере с Рэйчел он говорил так, будто на него снизошло вдохновение. И за весь вечер она ни разу его не переспросила.

Заиграла “Я твой мужчина” Коэна. Вадик рассмеялся. Похоже, Коэн прямо-таки преследует его сегодня.

– Я люблю эту песню! – сказал он.

– Серьезно? – спросила Рэйчел и как будто напряглась.

– А что такое?

– Ничего, пустяки.

– Нет, – настаивал Вадик, – пожалуйста, скажи.

– Я ненавижу эту песню, – ответила Рэйчел.

– Ненавидишь эту песню? Почему? – удивился Вадик. – Парень всего себя готов отдать девушке. Он изливает ей душу.

Рэйчел попыталась смягчить свои слова извиняющейся улыбкой, но высказала все, что думает.

– Ах, он душу изливает, да? Слушай, это просто-напросто предкоитальная манипуляция. Он предлагает ей весь мир, но это только пока она ему не отдалась. Понимаешь?

– Я понимаю, о чем ты, но не соглашусь. Он выражает то, что чувствует в этот момент. Может, потом он и не будет так чувствовать, но это не значит, что вот в этот самый момент он неискренен.

Рэйчел мотнула головой с такой силой, что расплелись косички, и тонкие пряди светло-каштановых волос взметнулись вверх-вниз.

– Леонард Коэн мизогинист.

– Мизо... гинист? – переспросил Вадик. Слово как будто знакомое, но он не был уверен в значении.

– Антифеминист, – пояснила Рэйчел.

– Не понимаю, – сказал Вадик. – Коэн? Антифеминист? Разве он не боготворит женщин?

– Именно так! Я ровно об этом. Он боготворит женщин, но не считает их равными себе.

Они для него эдакие священные сексуальные объекты. Нечто, что обожествляется и используется или, скорее, сначала используется, а потом уже обожествляется.

Рэйчел снова отпила своего сидра и спросила:

– Ты знаешь песню “В ожидании чуда”?

– Конечно! Это моя любимая!

– Давай-ка вникнем в текст.

Я знаю, это тебя ранило
Это задевало твою гордость,
Когда ты стояла под моими окнами
С горном и барабаном...

Рэйчел замолчала, вспоминая следующую строчку, и Вадик продолжил:

А я сидел наверху в ожидании чуда,
Ждал, что случится чудо.

Рэйчел кивнула и пристально посмотрела на Вадика.

– Понимаешь теперь, о чем там? Наверху сидит мужик, весь в этих своих экзистенциальных думах, обращается к Богу, надеется ощутить благодать Господню, а где-то внизу – женщина. Буквально под ним! Тупо ждет. И чего? Чтобы он на ней женился?

Вадик покачал головой.

Рэйчел хотела еще что-то сказать, но одернула себя. Ей явно было неловко.

– А в магистратуре ты кого изучаешь? – спросил Вадик. – Американских мизогинистов?

– Да нет, вообще-то английских романтиков.

Вот так удача! – подумал Вадик. Отличная возможность увести разговор от щекотливых текстов Коэна, да еще в область, где он мог блеснуть. Он заявил, что знает наизусть все “Сказание о старом мореходе”. По-русски. Рэйчел улыбнулась и попросила прочесть. Он прочел. Рэйчел очень понравилось. Она сказала, что на русском баллада звучит потрясающе, правда, пару раз она все же не могла сдержать смех.

Официант подошел, как раз когда Вадик декламировал последнюю строку. Спросил, не желают ли они чего-нибудь еще. До Вадика дошло, что он подходит уже раз в четвертый или пятый. Пора было уходить.

– Я провожу тебя, – предложил Вадик, и Рэйчел кивнула и улыбнулась.

Цвет неба сменился на мрачный индиго, и стало по-настоящему холодно. Слякоть на тротуарах подморозило. Вадик взял Рэйчел за руку, и так они и шли, держась за руки, но на расстоянии друг от друга. Только на улице Вадик заметил, что он гораздо выше Рэйчел. Она была ему до плеч.

Она спросила, где он остановился. Он сказал, на Стейтен-Айленде.

Ответ явно привел ее в ужас.

– Стейтен-Айленд? – переспросила она. – Но ведь уже так поздно! Как ты туда доберешься?

А потом она откашлялась и предложила ему переночевать у нее. Вадик крепче сжал ее руку.

Это Нью-Йорк, подумал он. Это Нью-Йорк делает все таким простым и легким.

Они шли по широкой авеню, потом свернули на какую-то небольшую улицу, потом еще одну. Вадик понравилась улица, где жила Рэйчел. Темные деревья. И нарядная отделка каменных фасадов. И груды заледенелого снега, сияющие в свете фонарей. Они вошли в дом и поднялись по скрипучей лестнице на шестой этаж, в двухкомнатную квартиру Рэйчел. Она шагала впереди. На ступенях был ковер. На перилах – резьба. Сердце у Вадика колотилось, как бешеное.

Но стоило им зайти в квартиру, легкость улетучилась. Рэйчел сняла ботинки и пальто, но осталась в шарфе. Она нервно сновала туда-сюда, как будто это она очутилась здесь впервые. Вадик чувствовал, что надо что-то сделать или сказать, чтобы снять напряжение, но в голову ничего не приходило.

– Хочешь чаю? – спросила Рэйчел, заново заплетая волосы.

Ей явно полегчало, когда он согласился. Она ушла на кухню, так и не сняв своего шарфа. Квартирка была маленькой и темной, на стенах висели постеры. Одну картину Вадик узнал – “Портрет молодой женщины” Мемлинга. Ему он никогда особо не нравился. Поскольку это был его первый настоящий американский дом, Вадик не мог в точности определить, что в здешнем интерьере было типично местного, а что от самой Рэйчел.

Он сел на маленький диван и снял ботинки.

Носки были насквозь мокрые. Эти носки он надел еще вчера утром, в московской квартире Регины, где прожил неделю между Стамбулом и Нью-Йорком. Обалдев от этой мысли, Вадик устался на ноги, потом снял носки и запихнул их в карман пиджака. Из кухни доносился звон посуды, с улицы – шум редких машин, но в остальном в квартире было гнетуще тихо. Вадик рассматривал небольшую стойку для дисков возле дивана. Ни одного знакомого альбома. Вдруг он сообразил, что Вика с Сергеем будут волноваться, если он не вернется домой. Спросил Рэйчел, можно ли от нее позвонить. “Конечно!” – крикнула она из кухни. Вадик набрал номер, моля, чтобы трубку взял Сергей. И он взял. Вадик сказал по-русски, что проведет ночь в городе. С девушкой. С американской девушкой. На том конце трубки повисла тишина, длившаяся, казалось, целую вечность.

– Окей, до завтра, – вымолвил наконец Сергей.

Рэйчел появилась из кухни с подносом, на котором стояли две кружки, пара пакетиков очень плохого чая и маленькая тарелка со странного вида сероватым печеньем. Села напротив Вадика на скамейку для ног и положила в кружку чайный пакетик.

Она бросила взгляд на босые ноги Вадика, казалось, их вид ее смущает.

Вадик взял ее руку. У нее были тонкие и на удивление теплые пальцы.

– Еще немного английской поэзии по-русски? – спросил он.

Она улыбнулась и кивнула.

Вадик стал читать без разбору Шекспира, Китса, Эзру Паунда и закончил “Балладой и королевском бутерброде” Милна. Милн особенно порадовал Рэйчел.

Он попросил ее прочесть что-нибудь из любимого. Она ответила, что не может. Что есть две вещи, которые она категорически не в состоянии делать в присутствии людей: читать стихи и танцевать. Это признание так тронуло Вадика, что ему захотелось крепко-крепко обнять ее. Вместо этого он протянул руку и дернул ее за одну из косичек.

В постели она была зажатой и немного неловкой. Отпрянула, когда он попытался заняться с ней оральным сексом.

– Мне нужно время, – сказала она. – Со мной в этом плане сложно.

Но с Рэйчел не было сложно. Она была противоположностью сложного. То был самый простой, чистый и счастливый секс, какой когда-либо случался в его жизни. И, скорее всего, вряд ли еще когда случится, как думал Вадик уже теперь, много лет спустя.

Воспоминания о той ночи преследовали его потом многие месяцы, долгие годы. Сначала они были только про секс – он вспоминал запах Рэйчел и ощущал этот прилив желания, от которого голова становилась блаженно пустой. Он слышал какой-то свежий зеленый запах, как от нарезанного огурца или по-настоящему хорошего салата. Но с течением времени его воспоминания все больше переполняла ностальгия. Он мысленно возвращался к каким-то произнесенным ею словам, выражению лица, интонациям. Больше всего он любил тот момент, когда взметнулись ее косички за несуразным разбором коэновской “Я твой мужчина”.

Он пытался разыскать ее. Он приехал в город и пробовал восстановить свой путь от Центрального парка. Прочесывал интернет-форумы специалистов по английской романтической литературе. Просматривал профили на сайтах знакомств. Узнав о рубрике про потерянных незнакомцев на “Крэйгслист”, начал печатать объявления о Рэйчел. Собственно, это стало его привычкой. Каждый раз, встречая новую женщину, он публиковал объявление о Рэйчел.

– Но это же несправедливо по отношению к новой девушке? Разве это с ходу не ставит крест на вашем романе? – спрашивала Регина.

– По-моему, ты просто придумал себе эту великую любовь к Рэйчел, чтобы оправдать свои неудачи с остальными женщинами, – говорил Сергей.

– Забудь ты про Рэйчел! – убеждала Вика. – Велика вероятность, что она бы оказалась анорексичкой, или с биполярным расстройством, или просто занудой!

Все они могли быть в какой-то степени правы. И все же Вадик не переставал тосковать по Рэйчел. Он уже с трудом мог вспомнить, как она выглядела, но в сжавшейся реальности его памяти Рэйчел оставалась совершенной. Были моменты, когда он старался вытеснить эти воспоминания, потому что они причиняли боль. И были моменты, когда совсем переставал что-либо чувствовать, и тогда отчаянно пытался воскресить ее в памяти, потому что лучше уж боль, чем бесчувствие. Однажды, в Эвенеле, сидя на велотренажере в пустой белой комнате, все крутя и крутя эти пыльные педали, он произнес вслух имя Рэйчел и ничего не почувствовал. А вернее, почувствовал ясно ощутимое ничто, одновременно невесомое и вязкое. Почувствовал, будто разом уплывает и тонет. Ему никогда не было так плохо. Тогда-то он и слез с тренажера и направился в ванную за тазепамом.

В то утро дома у Рэйчел Вадик проснулся на рассвете. Она еще спала, лежа на животе, зарывшись в подушку, приоткрыв рот. Вадик хорошо выспался – он пока жил по московскому времени. Он встал, натянул трусы, свитер и джинсы и пошел в ванную. При свете дня квартала казалась меньше и запущенней. Жуткий бардак в ванной. Столько лишних вещей. Два фена. Шесть разных шампуней. На кухне бардак еще хуже. Кастрюли со сковородками торчат с верхних полок. Три керамические кошки. Керамическая собака. Керамический цыпленок! Вадик выглянул в высокое узкое окно, но вид закрывала прокопченная коричневая стена жилого дома через улицу. Он подумывал поставить воду и заварить чаю. Потом сесть с чаем и почитать какую-нибудь книжку Рэйчел, пока она не проснется. Но вдруг понял, что безумно боится этого момента. Все равно же рано или поздно ему придется уйти. Он объяснит, что переезжает в Эвенел. Она захочет обменяться телефонами. У него пока нет номера. Дать электронную почту? У него такой идиотский адрес. *Biggguy@gmail.com* (с лишней *g* между *big* и *guy*). Рэйчел не понравится, как мизогинистски это звучит. Она ненавидит Леонарда Коэна! Как вообще можно ненавидеть Леонарда Коэна? В любом случае – вот она спросит, когда они увидятся? Он пообещает – когда? В следующую пятницу? А что потом? Придется встречаться каждые выходные? Такая перспектива тяготила. Он всего второй день на Земле свободы, и вот так сразу связать себя обязательствами? Его новая жизнь только начинается. Ему не нужны обязательства.

Он вернулся в гостиную и огляделся. На каминной полке лежал блокнот с ручкой. Он вырвал листок и стал прикидывать, что же написать. Что-то из английской поэзии было бы здорово, только он не знал стихов на английском. Коэн, ясное дело, тоже не годился. “Ты прекрасна”, – наконец написал он и положил листок в центр стола. Потом взял пиджак и сел на диван надеть носки. Они так и не просохли. Он поморщился от прикосновения сырой ткани. Потом надел ботинки.

На улице стоял такой холод, что мокрые ноги, казалось, тут же заledenели. Вадик знал – Сергей ему объяснил – что автобус номер Х1 до Стейтен-Айленда останавливается на Бродвее каждые пару кварталов. Только он понятия не имел, где Бродвей и где он сам. Поймав такси, попросил добросить до ближайшей точки Бродвея. Поездка заняла минут пять. Он вылез из такси, купил в лавке кофе и пошел вперед, пока не уперся в остановку. Он даже не знал толком, ходят ли автобусы в такую рань. Но автобус приехал минут через пять. Вадику не хватало двух монет до стоимости билета, но водитель его пропустил. В автобусе было тепло и пусто, и Вадик какое-то время просто сидел, развалившись на сиденье и согреваясь. Только уже где-то в Бруклине вдруг вспомнил, что забыл “Ад – это другие” в дайнере. Ему никогда его не найти. Никогда не вернуться туда снова. Вадика охватили такая паника и тоска, что заболело сердце.

Глава 3

Ешь и смотри

Чаще всего Регина просыпалась под будильник Боба.

В то утро звон был пронзительнее, чем обычно. Наверное, Боб поменял звук накануне вечером.

Регина придвинулась поближе и, не открывая глаз, обхватила его твердый член. В этом движении не было ничего сексуального. Они не были возбуждены. Твердый член Боба по утрам был просто фактом супружеской жизни. Регине исполнилось тридцать девять, но до того, как два года назад она вышла за Боба, она никогда не жила с кем-то дольше месяца. И вот рядом был ее мужчина, хозяин в доме, большой и сильный человек с пенисом.

Регина зарылась лицом подмышку Боба. По утрам он пах особенно хорошо. Не отмытым до скрипа американцем, а мужчиной.

Больше всего Регина наслаждалась самыми простыми моментами замужней жизни. Она не могла иметь детей. Бобу не нужны дети (у него уже имелась взрослая дочь от первой жены). Они просто будут наслаждаться друг другом до конца жизни. Ну то есть если останутся вместе до конца жизни. Пока все шло к тому, что так и будет.

Спальня была огромной, квадратной и идеально темной. (“Ого, вот это шторы так шторы!” – восхищались друзья.) Свет не проникал сюда даже в самые солнечные дни, разве только от экрана Бобова айпада. Первым делом по утрам Боб смотрел сообщения и новости.

– Как спалось? – спросил он.

– Ничего, Бобик.

Она звала его Бобиком, Бобсом, Барсиком, Боббети Бобом и Боббети Котиком. Это ей тоже очень нравилось в замужней жизни – быть с кем-то так близко, что даже имя как будто бы тоже принадлежало ей.

– Тебе как спалось?

– Более-менее. Плечо опять побаливает.

– Помазать мазью?

– Да, будь добра.

Регина убрала руку с заметно обмякшего члена и нащупала тюбик на ночном столике. Щедро выдавив холодной склизкой мази, начала втирать повыше правого плеча. От резкого сладковатого запаха спирта слегка замутило, но она продолжала втирать, нежно и сильно. Это ее муж, и она всячески хотела о нем заботиться. Иногда Регина задумывалась, было ли бы все иначе, люби она Боба. Вряд ли.

– Спасибо, милая, – сказал Боб и вылез из постели.

Регина вытерла руку платком и стала смотреть, как Боб делает свою утреннюю растяжку. Вот так груды мышц! Мускулы, накаченные на тренажерах. Даже на заднице. Она и не знала, что на заднице есть мышцы. У нее самой задница была кожа да кости, да неровный жирок здесь и там – как и во всей фигуре. Ей не нравилось обнажаться. Она спала в его старых спортивных шортах и растянутой майке. Регина посмотрела на себя в зеркало и поморщилась. А не стала ли она с этой новой прической с пробором посередине похожа на афганскую борзую? Ведь стала, да?

И все же она была высокой и длинноногой. Боб балдел от ее роста. Высокая, с длинными ногами, и русская. Степень в лингвистике, четыре языка, нет двух зубов. (Зубы были дальние, так что не страшно.) Регина подозревала, что Боб балдел и от странности самого своего выбора.

Регина села в кровати, чтобы видеть, как он отжимается – любимое упражнение в его зарядке. Пять, шесть, семь. Мускулы вздуваются, опадают, вздуваются. Потом он отправился в душ, а Регина снова легла и закрыла глаза.

Она вспомнила свое волнение при первой встрече с Бобом. Перед входом в театр на Тридцать третьей улице. Она стояла, прислонившись к двери, и сжимала лишний билет. “Обязательно продай билет!” – велела Вика. Но никто не спрашивал лишних билетов; не могла же она кидаться на людей и совать им его. Начнем с того, что она вообще не хотела смотреть этот спектакль. Всегда терпеть не могла мюзиклы. Ей было грустно. Она замерзла и проголодалась. Но Вика была твердо убеждена, что поездка в Нью-Йорк не может считаться удачной, если не довелось побывать на бродвейском шоу. К тому же это очень хороший спектакль, “Билли Эллиот”. Вика достала билеты, воспользовавшись скидкой своего начальника. По сорок долларов каждый. Регина чувствовала себя виноватой – Вадик купил ей билет на самолет, но жила она у Вики с Сергеем, и они ее кормили и тратили кучу денег на разные развлечения, хотя у самих ситуация явно была не очень радужная.

Спектакль должен был вот-вот начаться. Ее билет никому не нужен. Регина замерзла, устала и испытывала неоднозначные эмоции по отношению к Вике. В кошельке было двадцать долларов. Регина решила сказать, что продала билет за двадцать, а пойдет одна. Она уже повернулась к дверям, когда крепкий лысый мужчина коснулся ее руки.

– Вы продаете билет? – спросил он.

Она кивнула. Он протянул деньги и пропустил ее вперед.

Он сказал, что уже смотрел “Билли Эллиота” со своими клиентами, но ему так понравилось, что он страшно рад сходить еще раз. Его как будто и вправду по-настоящему трогала эта дурацкая песня Билли о каком-то там “электрическом разряде внутри”, толкавшем его танцевать. В глазах Боба стояли слезы. В обычной жизни от такого рода песни Регину бы затошнило, но реакция Боба казалась ей удивительной и прекрасной, и очень американской. Весь ужин после спектакля она пыталась разгадать Боба. Он был непонятнее, чем все эти иностранные писатели и художники в резиденциях для литераторов и переводчиков, в которых она часто бывала. Писатели и художники принадлежали к единой, простой для понимания социальной группе. Они читали одни и те же книги, знали более-менее одних и тех же художников и музыкантов, они в целом были похожи. Боб был другой. Ни на кого не похожий. У Регины не было выбора, кроме как попытаться понять его через американскую литературу. Его отец родом с Юга. Фолкнер? Он сам всего добился. Гэтсби? Он баловался политикой. Вилли Старк? Бурные отношения с бывшей женой. Филип Рот? А потом, когда дошло до десерта, Боб сказал, что она напоминает ему Лару из “Доктора Живаго”. И Регина поняла, что он занимается тем же – пытается прочитать ее через русскую литературу. Хотя, может, Боб имел в виду фильм, но Регина все равно была в восторге. Она сказала, что ее отец дружил с Пастернаком, и была поражена тем, как был поражен Боб. Оставшиеся дни они провели вместе, и в конце, когда уже прощались в аэропорту, Боб сказал, что она именно та женщина, которую он всегда мечтал встретить. И с тех пор все шло как по маслу. Первые страсти в сексе поугасли, но уважение и теплота никуда не делись.

Боб вернулся в комнату, но Регине было неохота открывать глаза. Она просто лежала, вслушиваясь в звуки его сборов: как выдвигаются и захлопываются ящики, как шуршит одежда, как он побряхтывает, надевая носки. Потом он наклонился поцеловать ее, и пахло от него чистотой и энергией.

– Пока, дорогой, – сказала Регина, слегка приоткрыв глаза.

– Ты еще не встаешь? – спросил Боб.

– Скоро встану.

Регина услышала, как решительно хлопнула входная дверь, и снова закрыла глаза.

Вообще-то кое-что в Бобе ее все-таки раздражало. Например, он всегда флиртовал с другими женщинами, когда напивался. “Пожалуйста, не воспринимай это всерьез! – сказала как-то его дочь Бекки, заметив, что Регине неприятно. – Папа невыносим, но он не имеет в виду ничего плохого. Он флиртует скорее из вежливости. Мои дяди ведут себя точно так же. Даже дедушка был таким”.

Что ж, пережить можно. Другой неожиданной проблемой была ревность Боба. Совершенно необоснованная! Она иногда ловила его за просмотром ее мейлов и сообщений, но он всякий раз так долго рассыпался в извинениях, что не простить было невозможно. Тут имелось смягчающее обстоятельство – предательство бывшей жены. Как оказалось, она годами ему изменяла с его же коллегами. Была еще одна причина, почему Регина так легко прощала его подозрительность. Втайне она ей очень льстила. Никто и никогда ее раньше не ревновал!

Но больше всего бесило то, что Боб всегда и во всем должен был поступать “правильно”. А скорее даже, что был убежден в существовании одного-единственного “правильно” для любой ситуации. Вадик, считавший себя экспертом по части всего американского, сообщил, что здесь это весьма распространенное убеждение.

Он же отметил, что главная разница между русскими и американцами в том, что американцы верят, что они управляют своей жизнью, что они в состоянии ее контролировать. Более того, это их обязанность – контролировать свою жизнь, насколько это в их силах. Они будут бороться до конца, даже если в этом ноль толку, просто потому, что считают безответственным отпускать ситуацию.

Еще американцы, в отличие от русских, не так уж верили в удачу. Они верили в упорный труд и честную игру. Они верили в правила. Что в жизни есть некие правила, и если им следовать и все делать верно, ты защищен. Они говорили всякие вещи, вроде “жизнь несправедлива”, но в глубине души считали, что люди сами навлекли на себя эту несправедливость.

Вадик рассказал ей, что Боб как-то его спросил, почему одни идиотские приложения выстреливают, а другие нет?

– Чистое везение? – спросил Вадик.

– Нет, друг мой, исключено! – ответил Боб. – Успех рождает сочетание упорного труда и грамотной стратегии.

Когда стали безумно популярны генетические анализы на выявление всевозможных видов болезней, Боб начал страшно наседать на Регину, чтобы она такой сделала.

– Зачем мне это? – протестовала Регина. – Я не могу иметь детей, ты не забыл?

– А что если у тебя есть ген болезни, которую надо диагностировать и лечить на ранней стадии? – ответил он. – Правильно бы сделать этот анализ, Регина.

Что ж, его пунктик на генетике тоже сильно раздражал.

Они с Бекки недавно заказали онлайн-анализ в одной модной компании, занимающейся геномикой, “Пляшущая дрозофила” называется, чтобы те нашли их дальних родственников. Обнаружили не одну тысячу. Среди предков значилась и королева Елизавета I. Бекки это очень развеселило, она даже стала называть нынешнюю королеву Елизавету Бабулей Лиз, но Боб этим фактом втайне очень гордился. Он заказал на “Амазоне” две толстенные биографии – Генриха и Бабули Лиз – и часам читал их и рассматривал картинки. Однажды Регина застучала его перед зеркалом с портретом Генриха VIII работы Гольбейна. Это было глупо, но мило.

Большая часть обширного Бобова семейства считала его образ жизни в Нью-Йорке слишком легкомысленным, а его бизнес – слишком несерьезным, поэтому они все время поддразнивали его, предлагая дурацкие идеи для приложений. На прошлый День благодарения Чак, брат Боба, выдвинул идею приложения для людей, которым скучно в туалете и они могли бы поболтать в чате или поиграть в шахматы с кем-то, кто тоже сидит в туалете и скучает. Чаку было невдомек, что у компании под названием “Штурмовики мозга” уже имеется в разработке приложение “Сортирный сотоварищ”. Регина жутко паниковала перед встречей с семейством Боба,

но все прошло хорошо. После смерти родителей все собирались в огромном доме его старшей сестры Бренды в Форт-Коллинс, в штате Колорадо. Все были очень приветливы, и никого вроде бы не смущала молчаливость Регины. У кузена Вилли тоже была жена иностранка – в его случае тайка, – и она тоже не увлекалась разговорами. Никто особо не интересовался Россией, если не считать редких пьяных вопросов про политику: “Так, а что там этот Путин? Летает с журавлями, травит своих врагов! Себе на уме мужик, а?” Некоторые мужчины предпринимали редкие попытки пьяного флирта: “Ты очень необычная женщина, Регина! Очень необычная и изысканная”. Но в остальном семейство Боба не причиняло Регине никакого беспокойства. Она сидела за столом, радовалась экзотическим американским блюдам, вроде пюре из батата с маршмэллоу, и изучала родственников Боба на предмет общих фамильных черт. Высокие скулы, тяжелые челюсти. Боб всегда говорил, что ненавидит Дни благодарения со своей семьей. Но Регине казалось, что есть в этом что-то – быть среди людей, с которыми генетически так много общего во внешности. И у него была дочь, его копия, самый близкий ему человек на свете. Регине до такой близости было, как до луны.

Бекки исполнилось двадцать шесть. Она окончила Уильямс-колледж и теперь записалась в киношколу Тиш Нью-Йоркского университета. Она жила в ветхой развалюхе в Бушвике со своей лучшей подругой и бригадой из шести рабочих поляков, которые приехали ремонтировать дом полгода назад, да так в нем и остались. Дом был куплен на деньги Боба и по очень выгодной цене, потому что изначально входил в комплекс домов, предназначенных для людей с низким доходом. Бекки с ее двенадцатью тысячами долларов в год, конечно, легко попадала в эту категорию. У Вики чуть сердечный приступ не случился, когда Регина рассказала об этом. Даже Вадик был возмущен. Только Боб не видел здесь ничего дурного. “Она художник, ей непросто выживать”, – сказал он.

Регина ждала, что Бекки окажется избалованной и противной, но приятно ошиблась. Если на то пошло, она была даже слишком хорошей. “Невинность привилегированных”, – сказал о ней Вадик. Он разок позвал Бекки на свидание, но она ответила категоричным отказом. Но с Региной была по-настоящему милой и сердечной. Неизменно обнимала и говорила, до чего рада, что наконец ее папа так счастлив. Она была мощно сложена, как и Боб, но черты лица мягче и теплее, и ее объятия были сильными и в то же время нежными. Она была под впечатлением от Регининой работы, но еще больше – от списка арт-резиденций, в которых та побывала. Пришла в бешеный восторг, увидев на полке у Регины “Бесконечную шутку”. “Это и моя любимая!” Ее охватило благоговение при виде Регининых *самиздатовских* книг. “Это же невероятно важные артефакты!”

Когда они впервые встретились, Бекки засыпала Регину вопросами. Регина старалась ответить на все, но потом невольно обратила внимание, что, пока она говорила, энтузиазма у Бекки заметно убавлялось. “Регина хорошая, но не очень общительная”, – подслушала она в разговоре Бекки с Бобом.

– Почему она так решила? – пыталась Регина Вадика, и он, гордый своими экспертными познаниями, с готовностью объяснил.

– То есть она задавала тебе кучу вопросов, и ты ей честно и подробно отвечала?

Регина кивнула.

– А ты ее о чем-нибудь спрашивала?

– Нет! О чем мне спрашивать совершенно незнакомого человека? И я была целиком поглощена ответами.

– Ну вот тебе и разгадка. Надо было манкировать ответами – американцев они вообще мало интересуют – и самой побольше спрашивать.

– И это не было бы невежливо? – удивилась Регина.

– Нет! – уверил Вадик. – Ровно наоборот! Как раз длинно и подробно отвечать – невежливо и высокомерно.

В следующую встречу с Бекки Регина использовала кое-что из предложенной Вадиком тактики и обнаружила, что она и впрямь работает. Настоящей сердечности между ними не случилось, но зато имелаась твердая расположенность. Пережить можно.

Часы показывали десять утра. Пора вставать. Какая беда, если она еще немного поспит? Регина перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку.

Ей снилось, что у них с Бобом родился ребенок. Он был крошечный, размером с небольшую морковку. Но на вид вроде вполне здоровый.

– Ты думаешь, это нормально? – спросила она Боба. Он рассмеялся.

– Конечно, нормально, это же наш ребенок, Регина!

– Но почему он такой крохотный? Твоя дочка разве была такой?

Боб снова рассмеялся.

– А то я помню, Регина!

Потом она пыталась взять крошку-ребенка на руки, но он все проскальзывал между пальцами и падал на пол.

Регина в ужасе проснулась. Ей не первый раз снился сон с каким-то странненьким или безобразным младенцем. И каждый раз у нее так колотилось сердце, что она минут десять, не меньше, приходила в себя.

Регина приняла душ и вышла из ванной. Впереди был целый день. Проблема в том, что она не знала, чем его заполнить.

В России дни были заняты работой. Она всегда бралась за самые сложные проекты. Чем труднее перевод, тем больше ей это нравилось. Но когда заболела мама, Регина бросила работу. Уход за ней отнимал все время, энергию и настрой. Долги по переводам копились, она смотрела на них и плакала, потому что нелепо было даже надеяться когда-нибудь с этим справиться, да и сама идея работы казалась бессмысленной перед лицом маминой неминуемой смерти. Ее любимая редактор Инга, единственная, кого худо-бедно можно было назвать близким другом после отъезда Вадика, Сергея и Вики, относилась к ситуации с большим пониманием. Она неизменно предлагала помощь, но Регина была совершенно выжата и опустошена и не в состоянии поддерживать отношения, требующие хоть сколько-нибудь затрат энергии. После смерти матери Инга все спрашивала, вернется ли Регина к работе, Регина виляла и уклонялась, а потом наконец позвонила сказать, что выходит замуж и переезжает в Америку и что нет, обратно ее не ждать. Даже по телефону она поняла, как потрясена и обижена Инга.

Когда она вышла за Боба, еще был шанс, что получится работать удаленно, но она так жаждала покончить со своей российской жизнью, что оборвала все связи.

Месяца через три Регина начала скучать по переводам. Ей снились невозможно реальные сны про работу над рукописями и сорванные дедлайны. Она просыпалась и сперва с облегчением выдыхала, потому что дедлайн, значит, не сорван, но потом испытывала разочарование.

Она написала Инге, что была бы не прочь поработать.

“Не будь свиньей, Регина. Есть люди, которым по-настоящему нужны деньги”, – ответила Инга. Некрасивый ответ недвусмысленно показал, что Инга все еще сильно обижена.

Боб пытался заинтересовать ее политикой, но безуспешно. Регина придерживалась толстовской точки зрения, что отдельные кандидаты или даже политические партии ничего не решают, что исторические процессы определяются коллективной волей народа и никакой политик не в силах ничего изменить.

– Окей, – сказал Боб, – пускай русский писатель девятнадцатого века наставляет тебя в вопросах современной американской политики.

Потом он предложил ей “взяться” за что-нибудь еще. Но ее тошнило от слова “взяться”. Оно значило заниматься чем-то эдаким, экстравагантным, а не нормальным серьезным делом. В кругу друзей Боба были жены, которые после замужества оставили работу и “взялись” за фотографию, или рисование, или писательство. Другие были целиком заняты материнскими

заботами, и у них не оставалось времени на “взяться” за что-нибудь еще; все это была “любительщина”. Регина всю жизнь была профессионалом, и одна мысль о “любительских занятиях” вызывала у нее отвращение. Уж лучше целыми днями книжки читать.

Но что по-настоящему испугало Регину – она совершенно перестала читать. В России она взахлеб читала и по-русски, и по-английски, а здесь не закончила ни одной. Весь кабинет в их квартире был завален непрочитанными книгами.

Сегодня все будет по-другому. Я обязательно почитаю сегодня, подумала Регина. Сварю кофе и засяду за книгу.

На кухне не было следов пребывания Боба. Он не любил завтракать дома. Обычно покупал какой-нибудь многосоставной смузи по дороге на работу и выпивал его, пока ассистент зачитывал отчет.

Регина поставила чайник, села на край подоконника и взяла айфон проверить почту, пока закипает вода. При виде подтверждения билета в Москву она поморщилась. Приближалась вторая годовщина со смерти матери, и тетя Маша, не настоящая тетя, а лучшая мамина подруга, настояла, чтобы Регина прилетела и съездила на могилу. Год назад Регина не приехала, потому что заболела. Но на этот раз оправданий уже не было, и она решилась и купила билет на начало ноября.

Следующее письмо было от тети Маши. Она безумно рада приезду Регины! Они вместе навестят могилу, а потом устроят ужин в честь Ольги. Она хотела, чтобы Регина остановилась у нее. “Немыслимо, чтобы ты жила в гостинице, туристкой в родном городе!” – писала она. Регина застонала. Ей вполне хватало ужаса поездки на кладбище, и перспектива жизни с тетей Машей была совсем невыносима. С самой маминой смерти тетя Маша не оставляла Регину в покое. Несмотря на то, что Регина жила в Америке и была замужем за добрым, замечательным и очень богатым человеком, тетя Маша считала своей обязанностью присматривать за Региной и заботиться о ней. Она писала длинные подробные письма и задавала до неприличия личные вопросы о Регининой новой жизни. Спрашивала, нашла ли Регина работу, довольна ли она своей жизнью в целом и хорошо ли ей с Бобом, любит ли она его? Есть ли у Боба дети? Он хороший отец? Он расстроился, что Регина не может иметь детей? Что он думает об усыновлении? Нет, тетя Маша не была деликатной. Она работала учительницей математики в детдоме, и иногда доходило до того, что она отправляла Регине фотографии маленьких сирот. Как правило, младенцев, но иногда и малышей постарше. У всех в глазах была мольба, или Регине это только мерещилось. Ей пришлось твердо написать тете Маше, что усыновление исключено, что тема детей болезненна, и если тетя Маша хочет продолжать общаться, она должна перестать донимать ее. После этого фотографии и допросы прекратились. Но что-то подсказывало Регине, что не навсегда. Тетя Маша часто приводила домой детей из детдома. Они жили у нее по несколько дней, а то и недель. Регина надеялась, что квартира тети Маши не будет наводнена чудными маленькими сиротками, когда она прилетит в Москву.

Следующее письмо было от бывшего одноклассника, Алексея Кузмина, который теперь называл себя партнером Абрамовича по бизнесу. Он сообщал, что сейчас живет в Нью-Джерси и хотел бы повстречаться. Кузмин был самым мерзким мальчишкой в их классе. Они никогда не дружили; вообще-то Регина сомневалась, перекинулись ли они хоть словом за всю школу. Было очевидно, что он прослышал про ее замужество и хочет через нее выйти на Боба. Регина закрыла почту и зашла на фейсбук. Там все было просто: совершеннейшая незнакомка по имени Анита Лапшин предлагала Регине лайкнуть страницу “Анита Лапшин”. Регина на секунду задумалась, но страницу лайкать не стала. Зато лайкнула фотографию улыбающегося Эрика, просто чтобы не злить Вику. Вадик определил Регину в сетевые “шпики”, потому что она очень редко постила что-то сама и практически никогда ничего не комментировала и не лайкала. Характеристика была не слишком приятной, как будто бы она шпионила за людьми, но приходилось признать, что Вадик прав. Для нее драмы, разворачивавшиеся в социальных

сетях, были сродни сериалам, которые можно смотреть, ни в чем не принимая участия. Идея комментариев и лайков тоже была ей чужда. Или, может, она просто не научилась отвечать на то, что не обращено именно к ней, а выпущено в мир на всеобщее обозрение. Вика же была “декларатор” – она лайкала все подряд и постила бодрые фото семейных поездок, Эрика, перемазанного мороженым или томатным соусом, а чаще всего фото их колоритных семейных завтраков. Сергей был... Регина забыла, как это называется. Он никогда не писал постов, но часто встречал в дискуссии друзей с каким-нибудь длиннющим заумным комментарием, а потом комментировал собственный комментарий еще пару дней спустя. Вадик же пользовал социальные сети на всю катушку, потому как они давали возможность примерить на себя все разнообразие типажей. Он был остроумным в твиттере, обаятельным на фейсбуке, философичным в *Tumblr*. Когда Регина поделилась Вадиковыми соображениями на тему социальных платформ с Бобом, тот покачал головой: “Зачем так преувеличивать? Социальные сети предназначены для общения, они вообще не про творчество и уж тем более не про духовные искания”. Боб и Бекки были образцовыми пользователями социальных сетей. Они писали посты не слишком часто и не слишком длинно; много лайкали и умеренно комментировали; излучали искреннюю доброжелательность и очень в меру продвигали свои проекты.

На фейсбуке было сообщение от Вадика. Ему требовалось помочь истолковать внезапную идею Седжян поискать работу в Нью-Йорке, чтобы они с Вадиком могли жить вместе. Как же Регине надоело анализировать любовную жизнь Вадика! “Но ты такая разумная”, – говорил он. И что бы это значило? Рассудочная, бесчувственная, неспособная любить?

Когда Вика бросила Вадика ради Сергея, а Сергей бросил Регину ради Вики, некоторые друзья надеялись, что Регина начнет встречаться с Вадиком. Но проблема в том, что между ними не было притяжения. Ну, по крайней мере со стороны Вадика. Все говорили, что он все еще сохнет по Вике. Для Регины это было бы катастрофой. Снова оказаться с мужчиной, который предпочел ей Вику? Нет уж, увольте! Так что, да – о романтических отношениях между ними не могло быть и речи, особенно теперь, когда она с Бобом, но Регину все равно бесило, когда Вадик делился с ней своими любовными перипетиями.

Ее отношения с Сергеем и Викторией были куда сложнее. После их разрыва еще там, в России, Регина никак не ожидала, что они станут друзьями. Так получалось, что эту дружбу ей навязали, потому что она общалась с Вадиком, а Вадик, Сергей и Вика некоторым образом шли в комплекте. А здесь, в Нью-Йорке она никого толком не знала и не могла позволить себе разбрасываться друзьями. Особенно ей не хватало женской компании. Была Бекки, и она милая и умная, но из другого поколения, и к тому же – ребенок Боба, нельзя же быть по-настоящему откровенной с дочерью мужа. Поэтому Регина попробовала сблизиться с Викторией, но все попытки натывались на суровое сопротивление. И всякий раз, как они встречались четвером, Вика то и дело исподтишка внимательно поглядывала на Регину, явно опасаясь, что та все еще любит Сергея. Сергею, похоже, тоже так казалось. А она его не любила! Больше того, она уже не была уверена, что вообще когда-либо любила его. Но хуже всего то, что Вика с Сергеем каждый раз пытались продвинуть Бобу очередную идею дурацкого приложения. Они пытались использовать его, и Регина себя тоже чувствовала использованной. Ее корбило, когда Вика принималась намекать на ее беспечный образ жизни, жалуясь на свою работу, мотания туда-сюда со Стейтен-Айленда, кучу домашних забот и на то, что у нее, по сути, двое детей – Эрик и Сергей. Вика – что, пыталась вызвать в ней чувство вины и желание им помочь? Это было бы совсем нечестно. И все же Регина чувствовала себя виноватой по той простой причине, что у Вики с Сергеем были трудности с деньгами, а у нее – нет. Сергей все спрашивал ее, есть ли шанс, что Боб передумает насчет “Виртуальной могилы”? Нет, отвечала она, нету. Но даже если бы и был, она бы и пальцем ради этого не пошевелила. Ей была отвратительна идея “Виртуальной могилы”. Смерть – омерзительная, тупая, страшная шутка. И нет ничего, абсолютно

ничего, что могло бы сделать ее более осмысленной, красивой, удобоваримой. Единственный способ взаимодействия – не замечать ее столько, сколько это будет возможно.

Чайник начал закипать. Регина насыпала кофе во френч-пресс, налила воду, перемешала, дала настояться немного и опустила поршень. Налила себе чашку и отправилась на террасу. Чтобы открыть дверь, нужны были обе руки, поэтому она прижала чашку животом, кофе расплескался и забрызгал футболку.

На улице ее ослепил весь этот поток света от неба, реки, лодок и милой разноголосицы домов в Нью-Джерси. Погода была тоже под стать – восхитительно прохладная, с легким сентябрьским ветерком.

– Ты, наверное, даже мечтать о таком не могла? – спросил отец, когда как-то приехал к ней в гости.

Они вдвоем стояли на террасе. Он был невысокого роста, ниже Регины, жидкие пряди седых волос трепыхались вокруг облысевшей головы. Когда-то он был писателем. “Его первый рассказ опубликовали в «Новом мире»!” – поведала Регине тетя Маша. Когда Регине было пять, он поехал в Канаду и решил там остаться, по сути бросив жену и ребенка. Сейчас он жил в Монреале и преподавал русскую литературу.

– Простая русская девчонка, и вдруг нате вам – королева Манхэттена!

Регина чуть не поперхнулась. Она не была ни простой, ни русской (в ней текла еврейская и польская кровь с примесью французской), и уж точно не была королевой Манхэттена. Ей надоело объяснять людям, что Боб не настолько богат. Когда до отца дошли новости про движение “Захвати Уолл-стрит”, он позвонил узнать, входит ли Боб в “один процент”. Да, входит. Регинин отец был невероятно горд. Он даже близко так не гордился, когда она сообщила ему о своей последней премии за перевод. Именно он дал ей это дурацкое нелепое имя. Наверное, надеялся, что она в конце концов станет королевой. Регина никогда особо не любила отца, а теперь вдобавок не могла простить ему, что он жив, а мать умерла.

Она села на красивый железный стул и отпила глоток. Сиденье еще не просохло после вчерашнего дождя, но ей было все равно. На том берегу виднелись гигантские буквы “*Lackawanna*”. Она не знала, что это значит, но слово завораживало. Еще глоток. Кофе вышел не очень вкусный, но хотя бы еще не остыл и приятно горчи́л. Это мать приучила ее пить черный кофе: “Черный кофе на вкус – как наказание, которое закаляет”.

В переводах Регине было далеко до талантов матери. Она все делала хорошо, но не могла похвастать каким-то особенным даром. Особенным даром матери было чувство комического. Она умела найти в романе крупицу смешного и проявить ее чуть-чуть сильнее, придав яркости, выпуклости, но не в ущерб легкости. Регина прочла всю Джордж Элиот в переводе матери, улыбаясь, посмеиваясь, а иногда и хохоча как ненормальная. Прочитав романы по-английски, была сильно разочарована. Они оказались довольно морализаторскими и скучными.

Мать не только была блестящим переводчиком, у нее еще явно завязывались очень личные отношения с каждым из покойных авторов. Она прочитывала все их биографии, дневники и переписку. Называла по имени и говорила о них как о членах семьи.

– Ты знала, что сотворил отец Шарлотты после ее смерти? Шарлотты Бронте, – спрашивала она за завтраком, помешивая кашу в тарелке. – Он нарезал все ее письма и распродал по кусочкам ее поклонникам, чтобы побольше заработать!

А потом, когда они сидели за соседними столами и работали, она вдруг вскрикивала: “Вот мерзавец!”

– Кто, мам? – спрашивала Регина.

– Папаша Шарлотты, кто ж еще! – отвечала мать.

Они жили в двухкомнатной квартире в Лялином переулке. В кухне было темно и пахло плесенью, а на карнизе вечно толклись голуби, заглядывали в окно, стучали по стеклу. Больше всего она любила гостиную. В полдень сквозь закрытую балконную дверь в нее всегда про-

никал широкий сноп солнечного света и ложился прямо посреди комнаты. Девочкой Регина обожала запрыгивать в него и, застыв, ловить сверкающие пылинки, которые вились вокруг, как снежинки.

В глубине комнаты стоял старый диван, мама любила устроиться на нем с маленькой Региной и разбирать с ней всякие семейные реликвии. Фотографии, письма, разные старые побрякушки. Больше всего Регине нравились пуговицы. Они хранились в большой жестяной коробке, и до чего же здорово было открыть крышку – надо тянуть изо всех сил, но иногда она заедала, и Регина поддевала ее кухонным ножом – и погрузить руки в эту мешанину форм, материалов и цветов. А потом Регина так и эдак раскладывала пуговицы на столе – по размеру, по цвету, по узорам, в художественном беспорядке, – и мама, бывало, посмотрит и скажет: “О, а эту я помню! Она от моего старого синего шерстяного платья”. Или “Эта золотая – от формы твоего дедушки”. На этом диване Регина спала и на нем несчетные часы проплакала по Сергею. Она так много плакала, что обои рядом с подушкой отсырели и покоробились. Именно мама в тот ужасный период была все время рядом. Она не донимала вопросами, не говорила гадостей про Сергея, в отличие от всех друзей не требовала, чтобы Регина разобралась с Сергеем, отомстила Вике или отвлеклась на кого-нибудь. Она просто выводила Регину гулять, кормила, приносила почитать разные книжки, но самое главное – не дергала и не приставала. Мама дала лишь один совет: “Не показывай ему, как тебе плохо. Это не поможет, а тебе станет только хуже”. И Регина прислушалась. Она максимально отдалилась от Сергея с Викой, а если они все же случайно пересекались, как могла, старалась держаться как ни в чем ни бывало. И это сработало. Она столько усилий потратила, изображая, что ничуть не страдает, что это отвлекло от страданий.

Регина научилась жить работой, с головой уходить в тексты. Случались дни, когда она работала по двенадцать, а то и по четырнадцать часов, когда буквы уже начинали плыть перед глазами, а задница немела и от долгого неподвижного сидения казалась куском замороженного мяса. Может, поэтому Регина так преуспела. Ей доверяли все более важных авторов, а однажды выпал по-настоящему счастливый билет: книга знаменитого русского писателя в изгнании, который писал исключительно на английском. Он был в таком восторге от ее перевода, что прислал рекомендательное письмо и был готов устроить в любую из европейских творческих резиденций, где у него имелись связи. Посыпались предложения преподавательской работы, приглашения на семинары и в резиденции для писателей. Последние были единственным местом, где у Регины намечалось что-то похожее на личную жизнь.

На французской вилле Мон-Нуар она побывала шесть раз, заливалась даровым бордо и имела романы с тремя французскими писателями.

В швейцарском Доме писателей в замке Лавиньи она побывала четырежды, дремала в библиотеке с привидениями, ела отменные супы и имела роман с милейшим немецким писателем, страдавшим страхом выступлений на публике.

В международную писательскую резиденцию в Хоторндене, в Шотландии, она приезжала дважды, ела овсянку на завтрак и лишь однажды занялась сексом (во второй визит) с Беном, американским переводчиком русской литературы, обожавшим все русское и одевавшимся, как персонаж из романа Тургенева. После они еще много месяцев переписывались, главным образом помогая друг другу с разными непонятными культурными отсылками. Слоновий чай? – спрашивал он. – Что это такое? И Регина отвечала, что автор имел в виду советский индийский чай со слоном на коробке.

Были еще Центр Белладжо и Фонд Больяско в Италии. В Белладжо она столько пила и ела, что засыпала, едва коснувшись головой подушки. Ее любовник, страстный польский художник в бородавках, был этим недоволен. Он сообщил, что без ума от нее, а потом признался, что обручен и скоро свадьба.

Как тяжело было возвращаться в Москву после этих путешествий. Выходить из Шереметьево в холод и тьму, дрожа в легоньком итальянском плаще. Идти по вонючим переулкам, перешагивать через лужи. И сердце екало всякий раз при виде подозрительного прохожего. После возвращения она неделями пребывала в унынии. Иногда периоды уныния были дольше самих поездок.

Но было кое-что похуже холода и мрачности окружающей жизни. В России Регина словно сразу утрачивала сексуальную привлекательность. Моментально и необратимо, как будто уже на шереметьевской таможне с нее снимали драгоценный слой ее притягательности. То, что казалось в ней необычным и прекрасным иностранным любовникам, совершенно не интересовало русских мужчин. Изредка у нее случались короткие интрижки с русскими, но в основном за пределами писательских резиденций она вела монашескую жизнь. Иногда ее заграничные романы продолжались в виде бурной переписки, но это либо утомляло, либо расстраивало. Польский художник еще долго слал ей страстные мейлы, но Регина не могла отделаться от картинки, как он, нажав кнопку “отправить”, захлопывает ноутбук, залезает в кровать и нежно прижимается к жене. Именно это, а не секс, вызывало в ней жгучую ревность – лечь спать рядом с теплым родным телом, проснуться утром и увидеть любимое родное лицо.

Регина была интровертом, так что и друзей у нее тоже было немного, собственно, после отъезда Сергея, Вики и Вадика – почти никого. Только мама не давала ей ощутить себя безнадежно одинокой. Регина любила их долгие прогулки вдвоем, их кухонные чаепития, болтовню о давно умерших писателях, как будто это их старые добрые знакомые.

За всю жизнь у Регины с матерью вышли только две ссоры. Первая – из-за Регининого аборта. Регина забеременела в свою последнюю поездку на виллу Мон-Нуар. Ей тогда только исполнилось тридцать. Отцом был средненький французский писатель, дома его ждали жена и трое детей. Мать Регины была категорически против аборта. Она нарисовала себе картину, как они вдвоем воспитывают ребенка, такое маленькое неделимое целое, и бог с ними, с мужчинами. Но как раз мысль о ребенке, который навсегда привяжет ее к матери, и пугала Регину. С ребенком она уже никогда не выйдет замуж и даже просто не переедет. Им хорошо жилось вдвоем, но все же Регина надеялась, что когда-то у нее будет и своя жизнь, более свободная, более независимая. А еще она сомневалась, что из нее выйдет хорошая мать. “Ты вообще способна по-настоящему полюбить другого человека?” – как-то написал ей польский художник. Она не знала. Ей было невыносимо плохо, когда Сергей ушел к Вике, но, может, больше страдала уязвленная гордость?

Регина решилась и сделала аборт. Неудачно. С осложнениями, после которых она уже не могла иметь детей. После операции, последовавшей за самой процедурой, Регину мучили непроходящие боли, подчас такие острые, что казалось, будто из нее снова и снова выскребают ребенка. Что до душевных страданий, Регина не слишком переживала. Она даже призналась себе, что испытывает некоторое облегчение. Не всем дано иметь детей. Совершенно раздавлена была мать, но не Регина.

Вторая размолвка случилась, когда университет в Берлине предложил Регине двухгодичный курс преподавания. Она была вне себя от счастья и уже распланировала свою новую жизнь до мельчайших подробностей. Она подучит немецкий, произведет впечатление на студентов и коллег, будет ходить на концерты и вернисажи, встречаться с интересными людьми, есть теплый яблочный штрудель в маленьком кафе в Тиргартене в компании европейских профессоров. И снова то, что русские мужчины находили непритязательным, будет считаться загадочным и пленительным. С мамой Регина не видела никакой проблемы. Они станут часто ездить друг к другу. С предложенной зарплатой они легко смогут позволить себе эти путешествия. Но мать не разделяла Регининого энтузиазма. Она сказала, что, если Регина хочет преподавать, ей следует найти работу в Москве. Здесь она гораздо лучше устроится. Регина была непреклонна. Мать проплакала три дня, а потом начала болеть. Стала жаловаться на ноющую боль в

желудке, на несварение, усталость, артритные боли в коленях. Она даже похудела. Сказала, что все это мучает ее довольно давно, но она не хотела волновать Регину. Регина была уверена, что мать делает это нарочно. Ну, не то чтобы симулирует, но сознательно навлекает на себя болезнь, чтобы не отпустить Регину. Были очень некрасивые скандалы. Были произнесены слова, при мысли о которых Регину потом еще долго корчило от стыда. Потом были мотания по врачам. Анализы. Ожидания результатов. Регина в нетерпении ждала доказательств того, что мать здорова как бык, а значит, можно наконец принять предложение из Берлина. Потом пришли результаты анализов. Запущенный и быстро прогрессирующий рак. Сильнее всего Регину оглушило выражение лица матери в то утро, когда они получили известие. Пристыженное, извиняющееся, полное страха за дочь. “Я не хотела так с тобой поступить”, – сказала она. Она действительно не хотела отпускать Регину, но не такой ценой.

Через три месяца она умерла. Тетя Маша и еще какие-то маминны подружки приходили помочь, два раза в неделю приезжала сиделка, но почти все остальное время рядом с матерью была Регина, и ей выпало быть свидетелем того, как ее большая, сильная мама стремительно превратилась в иссохший труп. “Она хотя бы не страдала от боли”, – говорили ей маминны подружки. Это правда, она не страдала от боли – из-за решения опробовать изнурительное и, по сути, бессмысленное лечение, а также благодаря морфину, который удалось достать, продав большую часть прадедовых картин. И все равно ужас наблюдать за тем, как ее мать, живого человека, стирают с лица земли, не поддавался никаким словам.

За несколько лет до того Регина перевела американский бестселлер “Принять смерть”. Одна глава называлась “Стадии умирания”. Приближение смерти описывалось там поступательно и в подробностях, казавшихся абсурдно конкретными.

За две-три недели до смерти больной/ая ляжет в постель и большую часть времени будет спать.

За одну-две недели до смерти больной/ая утратит аппетит и ясность сознания.

За день-два до смерти его/ее глаза подернутся пеленой.

За несколько часов до смерти температура тела упадет, и кожа в области коленей, ступней и рук покроется синюшно-бордовыми пятнами.

Не может быть, думала тогда Регина, взясь с переводом. Невозможно же, чтобы у всех все было одинаково!

Но, очевидно, так оно и было. У всех одинаково. Мать слегла за три недели до смерти. “Регина, я еще немножко посплю, ладно?” – говорила она с жалобным лицом ребенка. “Ой, такой вкусный суп, можно я потом доем?” Вскоре начались и проблемы с сознанием. “Как ты определяешь время? Вот, например, с этими часами – что надо делать с цифрами? Складывать?” А потом: “Ты моя мама, да ведь?”

Чем ближе к смерти, тем чаще и чаще она обращалась к Регине как к матери.

– Мама, где ты была?

– Я только в туалет сбегала.

– Но ты мне нужна. Я расплакалась, вот как ты была мне нужна!

Вот это и будет мой единственный опыт материнства? – думала про себя Регина, отворачиваясь, чтобы скрыть слезы. Она старалась вызвать в себе материнское чувство, когда гладила теплый пушок на ее голове; когда держала ее за руку, сухую и легкую, как осенний лист; когда шептала: “Все хорошо”. Не получалось. Она не чувствовала себя матерью; она чувствовала себя ребенком, испуганным брошенным ребенком.

В день смерти мамин взгляд потерял концентрацию, и глаза подернула пелена. Потом ступни и руки покрылись синюшно-бордовыми пятнами. Потом она умерла.

Она полностью соблюла алгоритм из книжки.

Было нечто оскорбительное, нечто унижительное в универсальности смерти. Мать Регины, которая всю жизнь отказывалась жить по правилам и быть как все, в конце концов все равно умерла как все. Регину охватили тоска и ярость. Или скорее, пока были силы, она пребывала в ярости и погрузилась в тоску, когда ярость опустошила ее.

Подруги матери позаботились о похоронах и пытались позаботиться и о Регине, но она не могла вынести их внимания. Особенно настойчива была тетя Маша. В результате Регина сказала ей, что уезжает в Канаду повидать отца, и то же самое сообщила редактору Инге, чтобы отделаться от их приходов и звонков. На самом же деле она так и не сказала отцу. И друзьям тоже. Она упоминала, что мать болеет, но не говорила, насколько это серьезно. А теперь Регина просто не могла заставить себя позвонить. “Вадик, мама умерла”. “Сергей, мама умерла”. “Вика, мама умерла”. Ее трясло от одной мысли взять трубку и произнести эти слова вслух. Как вообще возможно передать весь ужас произошедшего в этих трех будничных словах? Регина забросила работу, не смотрела почту, не отвечала на звонки, она просто лежала и плакала, пока не проваливалась в сон. Почти не ела. Она похудела на восемь килограммов, когда спустя полтора месяца после похорон Вадик позвонил в дверь. У него была пересадка в Москве по дороге из Минска (где он набирал белорусских программистов) в Нью-Йорк. Он пытался связаться с Региной, но поскольку она не отвечала ни на звонки, ни на мейлы, приехал прямо домой. Она так выгорела и ослабла от недоедания, что едва доплелась до двери. “Вадик, – произнесла она, – мама умерла”, – и разрыдалась. Вадик отменил все планы, поменял билет и пробыл с ней неделю, а потом настоял, чтобы она приехала к ним всем в Нью-Йорк. Он был готов купить билет и помочь с визой.

Обо всем этом Регина рассказала Бобу в первые месяцы их отношений, в период ненасытной близости. Они лежали в обнимку на его огромном диване. Они проговорили уже бог знает сколько; было поздно, в комнате стало темно, но они не включали свет.

– Я до сих пор не знаю, что это было, – сказала Регина. – Может, она подсознательно хотела меня наказать за попытку бросить ее? Или это был дар свободы? Она знала, как я хотела свободы, но понимала, что не в силах дать мне ее, пока жива. И тогда она умерла.

– Или ни то, ни другое, – ответил Боб, глядя ее по голове. – Может, она умерла, потому что пришло ее время. Люди умирают. Они не делают это нарочно или для кого-то другого.

Шелестящий звук, когда Боб проводил пальцами над ее ухом, напоминал Регине звук моря. Это так успокаивало.

Боб сказал, что на самом деле Регининой матери очень повезло умереть вот так, в своей постели, рядом с дочерью. Те, кого он знал, чаще всего умирали в больницах, подключенные к разным аппаратам, в окружении чужих людей, во рту трубки – какое уж там последнее слово. Когда умирал отец, старший брат Чак кричал докторам: “сделайте все возможное”, “идите, черт подери, до конца!”

– Отцу сломали два ребра, когда делали искусственное дыхание, – сказал Боб. – Ты даже не представляешь, как ему было больно.

Потом Боб описал это все своему психотерапевту, и тот, вздохнув, произнес: “Смерть нынче уже не то, что раньше”.

Боб не так уж любил отца, но смерть оглушила его. Почти за всеми его начинаниями маячила тень отца. Семейное предание гласило, что, впервые увидев Боба в роддоме, тот поморщился и сказал: “Совсем не похож на Чака!” Чак уже тогда был самым способным и высоким учеником в подготовительном классе. Он считал до ста и умел далеко послать мяч. Психотерапевт сказал, что в какой-то степени это очень облегчило жизнь Бобу, потому что, если в тебе разочарованы уже с рождения, на тебя не давит травмирующая необходимость добиться

успеха. Может, он и прав. Главной целью Боба было не добиться успеха, а прожить свою жизнь по-другому. Он поступил в университет на Восточном побережье, переехал в Нью-Йорк, стал придерживаться либеральных взглядов в политике, занялся информационными технологиями и женился на сложной женщине.

– Это я про первую жену, милая, – пояснил он Регине. – Она тот еще персонаж.

Регину кольнула ревность. Она что же, не такая интересная, как его бывшая?

– В общем, когда отец умер, я совсем потерялся, чувствовал себя абсолютно опустошенным, как будто меня лишили смысла жизни. У меня всегда было ощущение, что я живу ради отца, даже если главной целью казалось все делать ему наперекор. Я где-то с год был в депрессии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.